В.П. Гиндин

Психопатология в русской литературе

Валерий Гиндин

Психопатология в русской литературе

«Когито-Центр»

2005

УДК 616.89
ББК 56.13

Гиндин В. П.

Психопатология в русской литературе / В. П. Гиндин — «Когито-Центр», 2005

Гений и безумие, гениальность и помешательство. Эта тема в литературе советского периода практически не освещалась и, более того, была долгие годы под запретом. В русской литературе были известны психически больные Н. Гоголь, Ф. Достоевский и В. Гаршин. Автор дает развернутую трактовку диагноза этих писателей. Кроме того, автор дал патографические описания личностей А. Радищева, П. Чаадаева, М. Лермонтова, И. Тургенева и В. Маяковского. Некоторые факты психопатологического анализа носят сенсационный, а иногда и эпатирующий характер. В части II приведены патографические исследования, публиковавшиеся в 20 годах XX века, А. Пушкина, Л. Толстого, М. Горького. Патографический очерк о А. Чехове приведен с разрешения автора М. Е. Бурно.Книга представит интерес для литературоведов, психиатров, психологов, психотерапевтов, студентов и врачей, изучающих курс психиатрии.

УДК 616.89
ББК 56.13

© Гиндин В. П., 2005
© Когито-Центр, 2005

Содержание

Предисловие 6
От автора 7
Литература 10
Часть I 11
Глава I 11
Литература 17
Глава II 18
Литература 26
Персоналии 27
Глава III 28
Литература 41
Персоналия 42
Глава IV 43
Конец ознакомительного фрагмента. 45

В. П. Гиндин
Психопатология в русской литературе

Марку Евгеньевичу Бурно, профессору, с благодарностью.

© В. П. Гиндин, 2005
© ООО «ПЕР СЭ», 2005

Предисловие

Перед вами, читатель, необычная книга. Написанная живым и увлекательным языком, она повествует о потаенных от широкой публики сторонах личности всеми нами любимых русских писателей и поэтов. Зачем, спросит читатель, автору потребовалось копаться в тайниках, иногда неприглядных, душ давно умерших гениев? Что с того, что мы узнаем о страшном «подполье» Достоевского или подлых поступках Лермонтова, или о нетрадиционной ориентации Чаадаева. Но ведь каждый психопатологический штрих в личности гения позволяет рассматривать его творчество не только с литературной точки зрения, но и с позиций психопатологии. Литературоведческие работы советского периода стыдливо умалчивали о каких бы то ни было отклонениях в психике русских литераторов, советские психиатры также молчали. Счастливым исключением явились давние работы профессоров Личко и Мелехова, посвященные клиническому анализу психопатологии Гоголя и Достоевского.

Автор книги Омский психиатр, психотерапевт европейского регистра Валерий Гиндин совершил колоссальный труд, проанализировав огромное число мемуарных, литературоведческих и медико-психиатрических публикаций и дал собственный психопатологический анализ личностей русских литераторов, положив тем самым начало возрождению патографии, основательно забытой с 20-х годов 20 века.

Некоторые выводы автора носят дискуссионный характер, с некоторыми выводами может и нельзя согласиться вовсе, но в целом, книга носит познавательный характер и может явиться не только ценным пособием для психотерапевтов, использующих метод «психотерапии творческим самовыражением» профессора М. Е. Бурно, но и для преподавателей курса психиатрии и медицинской психологии но и для студентов профильных специальностей и для широкого круга читателей.

Вице-президент Всемирного Совета по психотерапии президент Профессиональной психотерапевтической Лиги России, доктор медицинских наук, профессор В. В. Макаров

От автора

Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Беранже

Читатель, ознакомившись с оглавлением этой книги, может придти в изумление и негодование: «Зачем автору понадобилось ворошить души давно умерших гениев, зачем вытаскивать на всеобщее обозрение потаенные стороны их жизни, зачем открыто обсуждать то, что подлежит компетенции врачей-психиатров?» И, даже, если природа «наградила» Лермонтова ядовито-желчным характером, а Достоевского – припадками и перверсиями, Гоголя – психической болезнью и т. д., то от этого они менее любимыми для нас, их далеких потомков, не станут.

Как бриллиант ни поворачивай к свету, часть граней будут молчать, оставаясь немыми, но от этого бриллиант не перестанет быть таковым.

В психиатрической литературе достаточно полно проведен патографический анализ жизни и творчества Достоевского и Гоголя. Ему посвятили свои работы Ломброзо, Кречмер, в дореволюционный период профессор Чиж, позднее профессоры Мелехов, Личко.

Психоаналитическую картину личности Чехова дал профессор М. Е. Бурно.

Что такое патография?

В «Толковом словаре психиатрических терминов» патография – есть «изучение творчества писателей, поэтов, художников, мыслителей с целью оценки личности автора, как психически больного». Профессор М. Е. Бурно основоположник «Психотерапии творческим самовыражением», считает, что «патография есть область клинической психотерапии, исследующая процесс лечения незаурядным творчеством, то есть изучающая лечебное творчество одаренных людей, творчество, сообразное душевным духовным особенностям творца».

В 1925–1930 гг. под редакцией Г. В. Сегалина издавался «Клинический архив гениальности и одаренности», в котором патографическому анализу были подвергнуты Пушкин, Толстой, Тургенев, Горький, Короленко, а также некоторые иностранные авторы.

Г. В. Сегалин обозначил эти патографические изыскания термином эвропатология (от греч. – *Euro* – «Эврика» нахождение, находка). «Назвав наш архив, как архив «эвропатологии», – пишет Г. В. Сегалин, – «мы этим подчеркиваем специфический характер этой патологии и считаем, что эта отрасль психопатологии имеет право на существование и развитие, точно так же, как, скажем, судебная психиатрия, школьная, дефективная психопатология и проч».

С 30-х годов прошлого века эти работы не переиздавались.

Вообще какие бы то ни было отклонения в психике русских литераторов, умалчивались. Не переиздавались работы профессора-психиатра В. Чижа о Гоголе, Достоевском, Тургеневе, Пушкине, под запретом была работа профессора Д. Е. Мелехова о Гоголе. «Национальная гордость великороссов» не могла быть ущербной. Так гласила коммунистическая идеология. Всякие, даже ничтожные попытки рассказать о великих нелицеприятную правду, пресекались грозным окриком цензора: «Не сметь трогать грязными руками святую память о имярек…»

И вот теперь, когда гласность достигла вселенских масштабов, когда можешь говорить и писать, что хочешь, я взял на себя смелость провести патографические исследования жизни и творчества Радищева, Чаадаева, Тургенева, Лермонтова, Маяковского…

Что касается Достоевского, Гоголя, Гаршина, то здесь диагноз психического заболевания не вызывает сомнений, остается только решить вопрос в рамках какой нозологии их рассматривать.

Психиатры спорят о форме эпилепсии Достоевского и были ли судорожные пароксизмы у него проявлением эпилепсии. Некоторые утверждают, что никакой эпилепсии у Достоевского не было вообще. В отношении болезни Гоголя также существуют различные суждения, одни говорят, что Гоголь был болен шизофренией, другие относят его болезнь к циклофрении, третьи – называют инволюционный психоз.

У Гаршина тоже диагноз варьирует от циркулярного до шизо-аффективного психоза.

При анализе психопатологической картины, имевшей место у названных писателей я, ни в коей мере, не пытался найти истину, я только сопоставил различные мнения, а вывод пусть делает сам читатель.

Очень трудная задача была дать психопатологический анализ личности Лермонтова и Маяковского.

Ни тот, ни другой поэт не страдали психическими заболеваниями, но имели значительные личностные отклонения от нормы.

А что такое психическая норма? Ю. А. Александровский пишет: «Говорить о какой-то четкой психической норме, свойственной некоему среднему человеку, очень сложно, и, вероятно, невозможно…, здоровым принято считать человека, у которого гармонично развиваются потенциальные физические и творческие силы, делающие его зрелым, работоспособным и активным членом общества». Если счесть средней нормой не усредненную, а умственно и творчески развитую личность, то так называемая «нормальность» – не что, иное, как легкая форма слабоумия.

Сколько в окружающем нас мире видим мы чудаковатых, странных людей, манерно-вычурных оригиналов, взбалмошных, «полоумных», «шизанутых». Это не потенциальные пациенты психиатрических больниц, но они проявляют несомненную склонность к аффективной неустойчивости и истероидному поведению. Иметь дело с такими людьми тяжело, но без них мир был бы бесцветно-ординарен. Они не дают нам соскучиться. Безумства и чудачества гениальных людей бесчисленное количество раз описаны в литературе.

Я не буду подробно останавливаться на родственных связях между гениальностью и безумием. Можно обратиться к трудам Ч. Ломброзо и его последователей, но вспомним, что еще Платон называл творчество «бредом, даруемым нам богами».

Что же, из того, что Чехов пытался шляпой ловить солнечный луч и надеть себе его на голову вместе со шляпой, или, что Толстой разговаривал с ящерицами, или Лесков, прислушивался к звуку падающей на фарфор ваты, как описывает это М. Горький, считать их безумными?

Профессор М. Е. Бурно пишет: «Не разлюбим тех кого полюбили, если узнаем подробно их душевный склад, потому, что любой не слабоумный не разрушившийся личностно человек бездонен – неповторим, таинственно сложен своей душевной духовной особенностью под знаком какого-то характера».

Почему мой выбор врача-психиатра пал на исследование психопатологии писателей и поэтов?

Э. Кречмер пишет, что «в исследованиях гениальности предпочтение всегда отдается поэтам и вообще литературно-продуктивным людям, а это объясняется не их духовным превосходством над другими группами творцов, а очевидным специфическим богатством, сохраняющихся во времени оригинальных психологических документов, дающих нам в руки прямые и косвенные самовыражения поэта, у которого манера письма намного более субъективно связана с личностью автора, чем у ученого, и намного легче трактуема, чем выразительные средства художника или музыканта».

Еще раньше Э. Кречмера эту же мысль высказал известный русский психиатр, приват-доцент Казанского университета Б. И. Воротынский в публичной лекции 31 июля 1898 года, читанной в г. Тобольске: «…существует мнение, что выдающиеся мыслители, великие писатели и художники нередко изучают свои собственные страсти и недостатки, чтобы затем рельефнее их изобразить, ярче представить в своих произведениях».

А. П. Чехов по этому же поводу очень образно и ярко заметил: «Настоящий писатель – это то же, что древний пророк – он видит яснее, чем обычные люди».

А как же быть психиатру?

С одной стороны чрезвычайно интимные, иногда неприглядно-темные стороны жизни гения, обнародовав которые можно стать клятвопреступником, нарушившим клятву Гиппократа о врачебной тайне, с другой стороны клинико-психопатологический анализ жизни и творчества гениев не может быть изолирован в торичеллевой пустоте, не может явиться предметом потребления, по выражению провизоров – *pro me.*

Диагностика психического заболевания при манифестных проявлениях болезни как будто не трудна – «чокнутый», «шизик», «крыша едет» – все эти банально-вульгарные обозначения краевой или ярко выраженной психической патологии заставляют думать, что любой человек может отделить психическую патологию от нормы.

Но это только на первый взгляд.

Истина же состоит в том, что определить диагноз психического заболевания дело, по меньшей мере, многотрудное, а чаще и скорбное, иногда налагающее несмываемую печать на дальнейшую жизнь и судьбу пациента. Здесь все важно – детство, привычки, поведение, сексуальная жизнь, отношение к близким, трудоспособность, армейская служба, вредные привычки и т. д. Так по «камушкам», да по «кирпичикам» собирает психиатр и фундамент, и все надстройки психиатрического диагноза.

При исследовании патологических отклонений личности великих, ныне покойных, литераторов мы лишены живого с ними общения.

Но нам остаются их биографии свидетельства современников и литературные произведения, в которых как через «магический кристалл» высвечиваются новые грани личности творца.

По человечески понятно противостояние панегиристов и апологетов гения, фактам, рисующим личность литератора в неприглядном свете. Они называют это «очернительством» памяти великого поэта или писателя. Известный психиатр, историк и публицист М. Буянов так пишет по этому поводу: «… Словно желая загладить свою вину перед гениями, униженными при жизни и доводимыми или доводящими себя до быстрой смерти, потомки хотят это забыть и обрушиваются на всякого, кто напоминает им о том, как несправедливо, немилосердно, придирчиво злобно они относились к живому гению, боготворя его после смерти».

Владислав Ходасевич, создавая литературный портрет Андрея Белого, писал тоже: «Не должно ждать от меня изображения иконописного, хрестоматийного. Такие изображения вредны для истории. Я уверен, что они и безнравственны, потому, что только правдивое и целостное изображение замечательного человека способно открыть то лучшее, что в нем было. Истина не может быть низкой, потому, что нет ничего выше истины».

Мой труд имеет следующую структуру: предисловие, первая и вторая часть, послесловие, краткий словарь психиатрических, медицинских и других терминов, содержание.

Первая часть – портреты. Это мои собственные патографические изыскания – портреты Радищева, Чаадаева, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Гаршина, Маяковского.

Вторая часть – эскизы. В нее включены работы, опубликованные в «Клиническом архиве гениальности и одаренности», – они касаются патографии Пушкина, Толстого, Горького. С любезного разрешения профессора М. Е. Бурно здесь же публикуется его статья о Чехове.

Предисловие и каждая глава первой части снабжены указателем цитированной литературы и персоналией.

Литература

1. Ашукин И. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: М., 1955
2. Бурно М. Е. Сила слабых. М., 1999. с, 52.
3. Он же. Клиническая психотерапия М., 2000 г.
4. Буянов М. Лики великих или знаменитые безумцы М., 1994 г.
5. Воротынский Б. И. Гениальность, психическая неуравновешенность и преступность. Казань, 1898 г. с.22.
6. В мире мудрых мыслей М., 1962, с. 268, 273.
7. Горький А. М. Люди наедине сами с собою. Собрание сочинений в 30 т., т.15. с.280.
8. Грицак Е. тайна безумия. М., 2003 г. с.229.
9. Кречмер Э. Гениальные люди. СПБ, 1999 с.10.
10. Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1981 г. с. 16, 17.
11. Сегалин Г. В. Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии) Л., 1925 г., т. I, вып. I, 3.
12. Чхартишвили Г. Ш. Писатель и самоубийство М., 2001 г. с. 400–401.

Часть I
Портреты

Глава I
Русский вольтерьянец и «царская водка»

Торжество разума в том и состоит, чтобы уживаться с людьми, не имеющими его.
Вольтер

О чем думал Александр Радищев, глядя на бескрайние заснеженные поля Сибири? Путь до Илимского острога был холоден и бесконечен, как и его заледеневшие душа и мысли. Что виделось ему? Пажеский корпус, служба в Сенате или череда прелестниц, завороженных его прекрасными карими глазами? А может быть ужас другого путешествия, за описание которого он сейчас так страшно расплачивается?

И невольно возникали страдальческие рифмы, под завывание степного ветра и метель, бьющую в окно арестантской кибитки.

Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду? —
Я то же, что и был, и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах.
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

Да, матушка – государыня Императрица Екатерина II постаралась до конца рассчитаться с распространителем «французской заразы» – идеями французских энциклопедистов, хотя и состояла в обстоятельной эпистолярии с Вольтером. Его знаменитый афоризм: «Благими намерениями устлана дорога в ад», как нельзя соответствует ситуации Пугачевского бунта и ада творимого его разбойниками. А все ведь началось с благих попыток Екатерины внедрить идеи французских просветителей в русское общество.

Да не случилось. А случился «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», поставивший на грань краха царствование «сиятельной императрикс». А Радищев – «этот бунтовщик хуже Пугачева» посмел в своем памфлете обвинить матушку во всех смертных грехах и поставить под сомнение смысл ее царствования!

Да и сам эпиграф к возмутительной книге не мог не вызвать гнева императрицы. «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» – этот эпиграф был выбран Радищевым не случайно. В песне XVIII поэмы В. К. Тредиаковского «Телемахида» описано посещение героем поэмы Телемаком подземного царства Тартар, где подвергаются в наказания за свои злодеяния адским мучениям цари «употреблявшие во зло свое на престолах могутство…»

Цари эти были гнуснее и страшнее, чем самые страшные чудовища мифологии, страшнее, чем адский пес Цербер – толстый, круглый (облый), озорной (большой), огромный, с тризевной (три пасти) и лаяй (лающее).

Именно это адское чудовище Радищев использовал как аллегорическое олицетворение царизма и даже усилил образ «чудища», снабдив его вместо трех – ста пастями. Схожий образ несколько раз используется Радищевым в самом «Путешествии» (например, в главе «Хотилов»: «стоглавое чудовище» – о крепостном рабстве; в оде «Вольность»: «И се чудовище

ужасно, как гидра сто имея глав…» – о церкви), «Спасская Полесть» – злая уничтожающая критика царствования Екатерины II.

Как могла императрица и, прежде всего женщина, спокойно снести сравнение с толстой, злобной лающей собакой?

«Тщеславие доводило Екатерину, от природы умную женщину, до умопомрачения, делавшего ее игрушкой в руках ловких и даже глупых льстецов, умевших пользоваться ее слабостями», – пишет В. О. Ключевский, – «и она не приказывала выталкивать из своего кабинета министра, в глаза говорившего ей, что она премудрее самого господа Бога».

Расплата не замедлила явиться – 30 июня 1790 года за напечатание книги «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Сама же императрица писала в своих заметках на книге: «Сочинитель сей книги наполнен и заражен французскими заблуждениями, всячески ищет умалить почтение к власти».

На суде 24/VI – 1790 г. Радищев был психологически сломлен, он отрекся от своей книги, признал себя «преступным», а книгу «пагубной, наполненной гнусными, дерзкими и развратными выражениями», и что написал он ее «по сумасшествию».

Тем не менее, уголовный суд приговорил Радищева к смертной казни посредством отсечения головы. Екатерина, непонятно чем побуждаемая, но, изыскавшая глупейший повод, 4 сентября издала именной Указ Сенату: «Ввиду мира со Швецией, заменить казнь Радищеву десятилетней ссылкой в Илимский острог».

Что же предшествовало отречению Радищева от своего программного труда?

Да, видимо, то, что двигало несгибаемых большевиков-ленинцев Тухачевского, Уборевича, Якира на следствии 1937 года сговорить себя в связях с иностранными разведками – страх, страх за свою жизнь, заканчивающуюся в немыслимых мучениях, за жизнь своих близких.

Двумястами годами раньше Радищев тоже перенес ужас заточения в Петропавловскую крепость, но не самого по себе этого факта, а факта попадания в полную власть обер-секретаря тайной экспедиции С. И. Шешковского. Этот мозглявый старик с женоподобным, похожим на пухлый блин, безбровым лицом, на тонкой шее, бугристым лбом наливающимся в гневе кровью, наводил ужас на подследственных, а особенно его толстая палка, намеренно выставляемая в углу на показ, которой Шешковский одним ударом выбивал у заключенных все зубы.

И хотя к Радищеву в крепости никаких «пристрастных методов допроса» не применялось, но одно сознание того, что они в любой момент могут быть применены, повергало его в ужас и уныние. Ведь за 15 лет до этого «знатный кнутобоец», которому, по-видимому, не давали покоя лавры его далекого предшественника Малюты Скуратова, жег, резал и вздергивал на дыбу «разбойника» Пугачева, и Радищев знал об этом. Он, почти ежедневно в течение 2-х недель приводимый на допросы к Шешковскому, видел эту сучковатую палицу, стоявшую в углу допросной комнаты, с ужасом ожидая, что она в любой момент может быть пущена в ход.

В каком же трагическом состоянии находилась душа Радищева свидетельствует его письмо, написанное в крепости: «Тело и душа изнемогать начинают, надежда, сие усладительное чувствование, надежда видеть мое плачевное семейство начинает, постепенно исчезать в томном сердце и уже исчезла. Я чувствую, я один».

Такой мощный психологический гнет заставил этого душевно-мягкого человека, с задумчивым взглядом темных проницательных глаз под удивленно выгнутыми бровями, человека нрава прямого и пылкого, умевшего сносить горести со стоической твердостью, чуждого лести, непоколебимого в дружбе и не помнящего зла, отречься от своего труда.

Сорок три дня провел он в крепости, ожидая казни, и в минуты отчаяния грыз свою серебряную ложку – на ней остались следы зубов.

При объявлении Радищеву приговора он потерял сознание, и окружающие увидели, как мгновенно его голова стала белой.

Но вернемся на несколько десятилетий назад.

Сын богатого помещика, бывший паж, получивший по воле императрицы высшее образование в Лейпцигском Университете, Радищев пренебрег служебным положением, благополучием и карьерой, явно не оправдав надежд, которые возлагал на него двор.

Прослужив недолго в Сенате, затем – в годы восстания Пугачева – в штабе Финляндской дивизии и, выйдя в 1775 году в отставку в чине секунд-майора, он в 1777 г. поступил асессором на службу в Коммерц-коллегию, а в 1790 г. был назначен управляющим Петербургской таможней. В период 1783–90 гг. длившийся 7 лет, началу которому послужила смерть горячо любимой жены А. В. Рубановской, Радищев пережил глубокое душевное потрясение, это состояние нашло свое отражение в стихотворении «Эпитафия».

«О! если то не ложно, что мы по смерти будем жить;
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая
И дни, в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня; умру и горести забуду.
В объятиях твоих я паки счастлив буду,
Но если ж то мечте, что сердцу льстит маня
И ненавистный рок отъял тебя навеки
Тогда отрады нет, да льются слезы реки…
Тронись, любезная! Стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятьях твоих чад;
Не можешь, коль пройти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утеши тем супруга».

«Смерть жены моей погрузила меня в печаль и уныние и на время отвлекла разум мой от всякого упражнения», – вспоминает он семь лет спустя.

С этого времени мысли о смерти постоянно звучат в творчестве Радищева.

В «Путешествии» он пишет фактически программное заявление:

«… Если добродетели твоей убежища на земле не останется, если доведену до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда вспомни, что ты человек, вспомяни величество твое, восхити венец блаженства, его же объяти у тебя тещется – умри».

Тогда же у Радищева впервые появляются приступы какой-то болезни, преследующие его вплоть до смерти и сопровождающиеся пульсирующей головной болью, бледностью или покраснением лица, усиленным потоотделением, чувством дурноты, тошнотой.

Душевное состояние Радищева не могло быть незамеченным со стороны. Его друг и шеф граф А. Р. Воронцов в письме к своему брату Семену, русскому посланнику в Лондоне, с грустью писал: «… Я только, что потерял, правда, в гражданском смысле, человека (Радищева – курс. мой В. Г.) пользовавшегося уважением двора и обладавшего наилучшими способностями для государственной службы… Кроме того он исключительно замкнут последние семь или восемь лет».

Возможно, что личное горе заставило Радищева замкнуться и в полной отрешенности от всего написать дерзновенную, вольнолюбивую и человечную книгу. Не было ли это проявлением некоей жизненной миссии, воплощаемой даже при условии, если ценой его подвигу будет жизнь?

Странно, что никто кроме Г. Шторма не обратил внимание на строки в конце второй главы «Путешествия»: «Отче всеблагий, неужели отвратишь взоры свои от скончевающего бедственное житие свое мужественно. Тебе, источнику всех благ приносится сия жертва», –

восклицает Путешественник, сие Радищев. Значит, Александр Николаевич предвидел ужасную расплату за свой труд, но, тем не менее, принес себя в жертву призрачным идеалам.

Но далеко не всем пришлась по душе книга Радищева. Даже через 34 года после смерти писателя в 1836 году наш великий А. Пушкин пишет уничтожающий биографический очерк об авторе «Путешествия». Среди современников Пушкина ходили слухи, что этот очерк был заказным, в целях возродить к жизни имя Радищева, которое находилось под запретом.

Может быть и так, но какой ценой?

Неужели и здесь топчась на могиле писателя, следовало провозгласить, что цель оправдывает средства?

А. С. Пушкин считает книгу Радищева преступлением, это действие сумасшедшего: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!» И далее Пушкин пишет, что Радищев один, что у него нет ни товарищей, ни соумышленников, в случае неуспеха он один отвечает за все, он один представляется жертвой закону.

По словам А. Пушкина: «Радищев – сочинитель посредственной книги, написанной варварским слогом жеманной, надутой, чрезвычайно смешной, набитой пошлостями: сочинитель, в котором отразилась вся французская философия его века, но так, как предметы в кривом зеркале; представитель полупросвещения, с невежественным презрением ко всему прошедшему, с поверхностными сведениями наобум, приноровленных по всему».

Жестоко, очень жестоко раскритиковал Радищева наш любимый поэт, фактически сбросив с пьедестала великого «вольтерьянца», хотя, как писал Пушкин «мы никогда его великим не считали».

Иное мнение было у современников Радищева – его учеников и последователей. Иван Пнин написал стихи на смерть Радищева, в которых он выразил безмерную скорбь: «Уста, что истину вещали, увы, навеки замолчали, и пламенник ума погас».

Иван Борн в открытом заседании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» прочел свои стихи и статью, посвященные памяти Радищева, в которых заявлял, что Радищев был «страдальцем правды» и утверждал, что в России «пьют патриоты смерти чашу», намекая на самоубийство писателя.

Может быть нам, воспитанникам советской эпохи, нужно иногда критически оценивать творчество великих, срывая с них, навешенные коммунистической пропагандой ярлыки?

Ну, вот опять случилось так, что В. Ульянов (Ленин) в статье «О национальной гордости великороссов» причислил А. Н. Радищева к числу первых революционеров наряду с декабристами и революционерами-разночинцами 70-х годов XIX века, а Луначарский назвал Радищева «пророком и предтечей революции». Коммунистическая идеология во всю старалась наделить Радищева демонической сверхреволюционностью, жаждой разрушения старого мира лютой ненавистью к поработителям народа. Но это в действительности далеко не так. Александр Николаевич был противоречивым человеком. Можно сказать, что он был первым диссидентом, прямо пошедшим против существующего строя.

Думаю, что А. Пушкин в той же статье высказал несправедливое суждение о том, что влияние Радищева было ничтожно, что все прочли его книгу и забыли ее. «Благоразумные мысли и благонамеренные предложения, изложенные в книге, принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением; ибо нет убедительности в положениях, и нет истины, где нет любви» – так заканчивается статья.

Вернемся теперь к началу нашего повествования.

3 января 1792 г. А. Радищев прибывает в Илимск. Здесь он провел пять с половиной лет. Ведет активную жизнь – занимается врачебной практикой, делает операции, вводит оспопрививание. Написал философский трактат «Письма о китайском торге», и историко-биографический очерк «Слово о Ермаке». Освобожденный по указу Павла I из Илимской ссылки

в 1796 г., Радищев возвращается в Россию к месту положенного ему проживания в родовое имение Немцово Калужской губернии.

По дороге домой в Тобольске 7 апреля 1797 умирает от пневмонии вторая жена (свояченица) Радищева Елизавета Рубановская.

Мать его троих детей и друг умирала тяжело, на глазах мужа, без надлежащего врачебного действия.

Физически и душевно измученный, находясь под тайным надзором полиции, Радищев так описывает свою жизнь того периода (письмо к А. Р. Воронцову 21 сентября 1797 года):

«… Согласитесь, что человек смешное, очень странное существо, он плачет утром, смеется вечером, хотя в положении его ничто не изменилось; иногда он и с места не сдвинулся, а сидит в своем кресле в колпаке и ночных туфлях. Да я был таков, каким только, что изобразил себя, плакал утром и смеялся вечером, как безумец, а меж тем я уже не смеялся – я разумею от веселия сердца – с Тобольска, со времени разлучения с моей доброй подругой, хотя я имею все основания на свете быть более веселым вследствие благости нашего всемилостивейшего императора».

И далее в письме от 8 марта 1799 года Радищев так себя характеризует:

«Я весьма странное существо. Возвращенный домой из глубин Сибири, спокойный во всех отношениях, я толстел, дни мои начинались и кончались один, как другой, но разум мой был мертвенным, а угнетенная душа моя билась в своей стихии, как утопающий бьется в воде…

Вот каков я был, вот каков я ныне: веселее, когда у меня больше огорчений, угрюмее, когда я слишком спокоен…»

15 марта 1801 г. Александр I издает Манифест, по которому освобождалось от наказаний 156 лиц, пострадавших в предыдущие два царствования.

В одном из списков наказанных значился и Радищев. Освободившись из ссылки в Немцове, писатель переезжает в Петербург, где определяется членом комиссии Сената по сочинению законов. Но ни один из законов, составленных Радищевым, не получил ни малейшего движения.

По свидетельству его сослуживца – Ильинского, Радищев неизменно был «мыслей вольных и на все взирал с критикой… при каждом заключении … прилагал свое мнение основываясь единственно на философском свободомыслии».

2 сентября 1802 года за 10 дней до смерти Радищева граф Завадовский, непосредственный его начальник шутливо намекнул писателю на «молодость его седин, и что «одной Сибири» видимо мало». Это заявление Радищев воспринял, как решение вновь отправить его в ссылку.

В страшном смятении чувств Александр Николаевич возвращается домой, отчаяние и ужас переполняют его сердце. Он крайне напуган, мечется по комнатам, говорит, что «до него добираются». Несколько успокоившись, Радищев слег в постель. Старший сын свидетельствует: «Здоровье ему изменило, он стал чувствовать беспрестанно увеличивающуюся слабость… буквально таял на глазах, изнемогал, сделался, задумчив, стал беспрестанно тревожиться». Лечил его штаб-лекарь Придворной конюшенной конторы Иван Гейснер, труды которого остались напрасными. В ночь с 11 на 12 сентября Александр Николаевич неожиданно выпивает стакан «крепкой» водки, приготовленной его сыном для вытравливания старой золотой канители на эполетах и, говоря, что будет умирать долго и мучительно, хочет зарезаться бритвой, которую отнимает у него сын.

Покончил ли самоубийством Радищев или это можно считать несчастным случаем? Намеренно он принял яд (по одним источникам это была «крепкая водка» – селитряная азотная кислота, по другим – «царская водка» – смесь 1 части азотной кислоты с 3 частями соляной кислоты. «Царская» – растворяющая золото – «царь металлов») или ошибочно выпил этот стакан подумав, что в нем вода для запивания лекарств?

Официального медицинского заключения о смерти Радищева не сохранилось.

Но сыновья выдвигают версию о том, что отец был тяжело болен и умер от болезни. В записи о захоронении Радищева, говорится, что он умер естественной смертью, страдая чахоткою. То же самое сказано в официальной выписки о смерти Радищева, опубликованной в журнале «Литературный вестник» № 6 за 1902 год. А как следовало поступить родственникам иначе? Ведь православная церковь, считает самоубийство тяжким грехом, самоубийц не разрешали хоронить на кладбище, а только за оградой. Могли ли сыновья объявить правду о смерти отца, кроме того с риском бросить тень и на свою карьеру? Но тайна, есть тайна, теперь уже истину не восстановишь!

Первым версию о самоубийстве Радищева выдвинул А. Пушкин в том гнусном биографическом очерке, о котором речь шла выше. С его легкой руки большевики, придя к власти в России, захлебывались от восторга, обвиняли царизм в смерти писателя-революционера. Некоторые советские исследователи полагали, что Радищев в начале XIX перенес духовный кризис, связанный, с крахом буржуазной революционной идеологии после падения якобинской диктатуры и духовный крах самого Радищева. Осудив диктатуру Робеспьера и отойдя от идей народной революции, писатель-демократ не пожелал быть участником того либерального обмана, который развертывался на его глазах после воцарения Александра I, и покончил жизнь самоубийством в 1802 году» (Е. Г. Плимак цит. по Д. Бабкину).

Вот вам нате!

Сбылось пророчество Радищева в найденной после его смерти записке: «Потомство отомстит за меня». Сбылось, но с такой разрушительной силой, с таким крушением надежд зарождавшейся в России демократии, что писатель-революционер, был бы он жив, мог написать еще один памфлет, за который потомство могло рассчитаться с ним ГУЛАГОМ, по сравнению с которым Илимский острог – это, по существу, санаторий ЦК КПСС.

А где же страдающий, измученный телесным и душевным недугом человек с его горестями, надеждами, просто человеческой слабостью?

Но, как и все 80 лет царствования большевиков идеология подменяла собой все стороны общественной и человеческой жизни.

Пожалуй, единственный из хора коммунистических историков и литературоведов Д. Бабкин связал трагическую кончину Радищева с его длительным и тяжелым телесным недугом. Хотя и здесь не обошлось без оговорки, о том, что здоровье писателя было подорвано «бесчеловечной политикой царского самодержавия».

Так страдал ли А. Н. Радищев душевной болезнью?

Да, по видимому страдал. Не будем вдаваться в тонкости нозологические, зачем это нужно, да и никому неинтересно. Но синдромология четко и ясно определяет депрессивный характер переживаний писателя.

Первый депрессивный период возник после смерти первой жены Радищева, и длился без малого семь лет (1783–1790 гг.). Об этом ярко и убедительно свидетельствует творчество Радищева, его письма, воспоминания современников.

С этого же времени, появляются пароксизмы, которые на языке современной психиатрии можно было бы назвать диэнцефальными кризами. Эти состояния преследовали писателя до самой смерти.

Второй период, или, если хотите, аффективный кризис, наблюдается у Радищева в период нахождения в Петропавловской крепости (30 июня – 8 сентября 1790 г.). Аффекты отчаяния, безысходности, страха, ужаса перед неминуемой смертью, доходящие до состояния раптуса, обмороки, внезапная седина – яркие и потрясающие воображение картины.

Третий депрессивный период длится в течение 4 лет – период возвращения из Илимской ссылки вплоть до переезда в Петербург и возобновления государственной службы (1797–1801 гг.). В этот период Радищева не оставляют диэнцефальные кризы.

Четвертый депрессивный период, самый короткий длится около года с 1801 по 12 сентября 1802 года. Несмотря на активную законотворческую деятельность, общение с друзьями по «Вольному обществу», продолжение творческой работы, фон настроения Радищева остается сниженным, по всей видимости из-за нарастания соматического неблагополучия. Беседа с графом Завадовским за 10 дней до смерти вызвала аффективную паранойяльную реакцию со сверхценными идеями преследования.

На фоне нарастающего соматического неблагополучия в ночь на 12 сентября возник «raptus melancholicus» – взрыв тоски, повлекший принятие яда («царской водки»), а сознание тяжких предсмертных мук для облегчения страданий и попытку зарезаться.

Иного, учитывая клинические показатели болезни Радищева, ожидать и не следовало, ведь за 19 лет своей болезни Радищев пронес мысль о самоубийстве, и даже в межприступные периоды.

А. Н. Радищев оставил в памяти потомков восхищение своим патриотизмом, ненавистью к рабству и угнетению, он до конца исповедовал свои принципы и даже в минуты человеческой слабости, оставался верен своим высоким идеалам.

Прав был И. С. Тургенев говоря: «В человеческой жизни есть мгновения перелома, мгновения, в которые прошедшее умирает и зарождается нечто новое».

Это о А. Н. Радищеве писателе и человеке.

Литература

1. Бабкин Д. А. Н. Радищев в последний год жизни. Ж. Русская литература, 1966 г. № 1, с.125–140.

2. Граглин Н. Последний день о семье Радищева. Ж. Советская женщина, 1989, № 11, с.26–40.

3. Даль В. Словарь живого великорусского языка. Репринт. изд. М., 1994 г. т.1.

4. Зеньковский В. История русской философии. М., 2001 г.

5. Игнатьев А. В. С былым наедине. М., 2001 г.

6. Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. М., 1989 г. т.5, с.284–285.

7. Лотман Ю. М, Собрание сочинений т.1 Тарту, 2000 г.

8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. 1951 г. т.7, с.350.

9. Радищев А. Н. Избранные сочинения. М., 1952 г.

10. Радищев Н. А., Радищев П. А. Биография Радищева. М., 1959 г.

11. Русские портреты XVIII–XIX вв. М., 1999 г. т.3. с.510.

12. Луначарский А. В. Радищев А. Н. – первый пророк и мученик революции. Петроград, 1918 г.

13. Степанов Г. День у Шешковского М, 1987 г.

14. Светлов Л. Б. А. Н. Радищев. Критико-биографический очерк. М, 1958 г.

15. Макогоненко Г. П. А. Н. Радищев и его время. М, 1956 г.

16. Форш ОД. Радищев. Трилогия М, 1987 г.

17. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М, 2001 г., с.204.

18. Шторм Т. П. Потаенный Радищев. М, 1968 г.

19. XVIII век. Сборник АН СССР Ленинград, 1977 г.

Глава II
Загадка жизни и смерти «Императорского безумца»

Я странен?
А не странен кто ж?

А. Грибоедов. «Горе от ума»

Петр Яковлевич Чаадаев – «первый русский философ» умирал. Умирал странно и загадочно. Он просто не захотел больше жить, и сам заказал свою кончину. Так, в старину, делали святые старцы, правя себе домовину, ложась в гроб и умирая в назначенный срок.

Петр Яковлевич Чаадаев родился 27 мая 1794 г. Воспитывался в семье князей Щербатовых вместе с братом. Воспитанием занималась их тетка старая дева княжна Щербатова Анна Михайловна.

Салон, который она держала, охотно посещался видными общественными деятелями, дипломатами и писателями.

Здесь велись различные чтения, дискуссии и споры. Братья Чаадаевы получили блестящее домашнее воспитание, владели в совершенстве европейскими и древними языками. В 1808 году братья были определены в Московский университет.

Но вот настал 1812 год. П. Я. Чаадаев оставляет учебу в Университете и, как приписной Семеновского лейб-гвардии полка выезжает в действующую армию.

С самого начала и до конца войны он сражается под Бородином и на Березине, под Кульмом и Лейпцигом.

За проявленную недюжинную храбрость Чаадаев награждается орденами Анны IV степени и Железным Крестом.

Вернувшись после победоносного похода «по Европам», Петр Яковлевич с головой окунается в водоворот светской жизни.

Федор Глинка писал о нем:

«Одетый праздником с осанкой важной смелой,
Когда являлся он пред публикою белой
С умом блистательным своим
Смирялось все невольно перед ним».

В Петербургском, особенно, в дамском окружении он производит неизгладимое впечатление изысканной одеждой и манерами. Непревзойденный щеголь в маске презрительного равнодушия и особой значимости, он вызывал бесчисленные пересуды о своей личности и «тайной» жизни. Дочь Н. Н. Раевского Екатерина Николаевна писала в письме: «… Петр Чаадаев был чрезвычайно заметен в Петербургском обществе. Будучи адъютантом командира гвардейского корпуса, он находился в постоянном общении с великими князьями Константином и Михаилом Павловичами, оказывал ему расположение и будущий царь великий князь Николай Павлович».

Он отличался в высшем свете не гусарскими, а какими-то байроническими манерами. «Он человек своего времени, – русский барин – помещик, избалованный, изнеженный, ленивый и праздный, весь в долгу, как в шелку, смолоду красавец и щеголь, до конца дней заботится о своей наружности». «Современная кокетка, по часам просиживал за туалетом, чистил рот,

ногти, притирался, мылся, холился, прыскался духами», – вспоминает А. И. Тургенев. *L beau Tchaadaef* (красавчик) – называли его гвардейские офицеры.

Чаадаев пользовался ошеломляющим успехом у дам высшего света, они между собой называли Петра Яковлевича «розаном».

Он же любил похвастать интрижками, которых вовсе не имел. Ф. Вигель писал, что «никто не замечал в нем нежных чувств к прекрасному полу: сердце его было преисполнено обожания к сотворенному им из себя кумиру. Когда изредка ему случалось быть с дамами, он был только учтив».

«Он имел одно виденье,
Непостижимое уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел»

так отзывается о нем его любящий друг А. Пушкин. О каком виденье идет здесь речь? Ну, естественно, о спасении России. Но об этом в нашем повествовании далее.

А пока экзальтированные, писанные, по видимому, в полуобморочном состоянии, письма влюбленных дам: «…провидение вручило вам свет, слишком яркий, слишком ослепленный для наших потемок…как бы Фаворское сияние, заставляющее людей падать лицом на землю», – писала одна из них.

А другая – Авдотья Сергеевна Норова, признавалась Чаадаеву в любви: «Я хочу просить вашего благословения… Мне было бы так отрадно принять его от вас коленопреклоненной…Не удивляйтесь и не отрекайтесь от моего глубокого благоговения – вы не властны уменьшить его».

Чаадаев не разделял чувств молодой прекрасной женщины. Неразделенная любовь свела ее в могилу. Но двадцать лет спустя Чаадаев вспомнил об этой любви и завещал похоронить себя рядом с Норовой.

А пока в круговороте светского вихря, в нескончаемой череде балов, дружеских попоек летело и приближалось к краху время, отпущенное провидением блестящему флигель-адъютанту, и надежды на должность адъютанта императора разбились в прах.

Почему вдруг на высоте карьеры Чаадаев в 1820 году подает прошение об отставке, и разгневанный Александр I немедленно подписывает прошение гвардейского ротмистра даже без пожалования следующего чина? Вот эта жгучая тайна не давала покоя современникам Чаадаева, да и нам, исследователям, живущим в нынешнем времени, тоже небезынтересна эта загадка, явившаяся неким водоразделом в ипостасях личности Петра Яковлевича, неузнаваемо изменившим его внешний и внутренний облик.

Одни историки говорят, что Чаадаев, посланный гонцом к Александру I в Тропау, где проходило совещание глав государств Священного союза, с известием о восстании в Семеновском полку, будто бы опоздал и царь получил это известие от австрийского министра Меттерниха. Другие считают, что виной этому явилось само восстание в Семеновском полку, в котором был замешан брат Чаадаева Михаил, третьи утверждают, что причиной явилась некая беседа Чаадаева с русским императором в которой, якобы, Чаадаев высказал Александру I мысли, впоследствии опубликованные в злосчастном «Философическом письме № 1».

В 1821 году полиция провела обыск в имении братьев Алексеевском. Искали бумаги, могущие пролить свет на волнения в Семеновском полку.

Эти обстоятельства произвели гнетущее впечатление на братьев.

К 1823 году душевный кризис Чаадаева усилился – его терзает скука, разочарованность. Появляются различные «болячки». Несмотря на череду развлечений, Чаадаев часто остается дома из-за желудочных болей, мучительных колик. Его донимают запоры, так что без слабительного обходиться было невозможно. Петр Яковлевич сознает, что причиной хворей является его «нервическое воображение», обманывающее в собственных чувствах». Он лечится у знаменитого френолога Галла от «гипохондрии».

Узнав о глубоком духовном кризисе и тяжелой ипохондрии перед заграничным путешествием, А. Пушкин просил П. Я. Вяземского «оживить его прекрасную душу».

Да, все это так и было! Но было и другое, была одна, мягко говоря, странность, которая может нас, навести на определенные размышления о том, почему Петр Яковлевич был так непроницаемо холоден с женщинами. М. О. Гершензон утверждал, что Петр Яковлевич имел «атрофию полового чувства».

Современники Чаадаева, считают его отношения с камердинером Иваном Яковлевичем «непонятной причудой». Слуга был настоящим двойником своего барина, «одевался еще изысканнее, хотя всегда изящно, как и сам Петр Яковлевич, но все им надеванное стоило дороже».

По свидетельству Д. Н. Свербеева Чаадаев тратил значительные средства на содержание своего слуги. Современник считает, что Чаадаев, непонятно чем, руководствуясь, повсюду демонстрировал своего слугу, и непомерные расходы оправдывал содержанием камердинера.

А как можно отнестись к стихам А. Пушкина, посвященным Чаадаеву (1821 г.)?:

«… Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?»

Как говорят сегодня No comment!

«В августе 1823 г. в Англии на приморском берегу возле Брайтона появился иностранец, соединявший в своей осанке торжественность епископа с безукоризненной корректностью светского человека – это был Чаадаев», – пишет О. Мандельштам, – «бежавший из России на случайном корабле с такой поспешностью, как если бы ему грозила опасность, однако без внешнего принуждения, но с твердым намерением никогда больше не возвращаться».

Больной, мнительный, причудливый пациент иностранных докторов, никогда не знавший другого общения с людьми, кроме чисто интеллектуального, скрывая даже от близких страшное смятение духа, он пришел увидеть свой Запад, царство истории и величия, родину духа, воплощенного в церкви и архитектуре».

Да, это было очень странное путешествие. О нем мало что известно. О чем думал, что переживал, на что надеялся в течение этих почти трех лет Чаадаев?

Может быть, он устал, или был «духовной жаждою томим», а может быть, вынашивал замысел, который, родившись «в темную ночь» выстрелил по России и заставил ее проснуться? Таков смысл впечатления А. И. Герцена от «философического письма № 1».

Вернувшись из Путешествия за границу, осенью 1826 года Чаадаев не смог ужиться с «теткой-старухой» и переезжает в Москву. Здесь живет на разных квартирах, постоянно лечится, вступает с лекарями в медицинские споры. Новые припадки ипохондрии заставили его совмещать воплощение философского замысла с изучением медицинской литературы. Брату своему М. Я. Чаадаеву он пишет: «… Я воображаю себе, с каким восхищением ты увидишь, что непременно должен ходить на двор, на горшок…», «то запор, то понос, то насилу таскаешь ноги, то бегаешь как бешеный, от тоски; сверх того случаются разные пароксизмы, припадки, от которых приходишь в совершенное расслабление…».

Чтобы систематизировать свои воззрения на бумаге, он совершенно уединяется от общества, испытывая одновременно сильнейшие приступы притихшего было раздражения против всего окружающего. Д. Н. Свербеев пишет: «Возвратясь из путешествия, Чаадаев поселился в Москве и вскоре по причинам едва ли кому известным, подверг себя добровольному затворничеству, не виделся ни с кем и, нечаянно встречаясь в ежедневных своих прогулках по городу с людьми самыми ему близкими, явно от них убегая или надвигая себе на лоб шляпу, чтобы его не узнавали».

С. П. Жихарев в письме к А. И. Тургеневу (1829 г.) сообщает: «… ко мне не ходит, ни меня к себе не подпускает; да лучше сказать ни к кому и никого. Сидит один взаперти, читая и толкуя по своему Библию и отцов церкви».

Человек света и общества сделался угрюмым, нелюдимым.

Чаадаев сам признавался впоследствии, что находился тогда во «власти тягостного чувства и был близок к сумасшествию, посягая на собственную жизнь».

В конце 1829 года Чаадаев окончательно редактирует «Философическое письмо № 1» и немедленно его рассылает по друзьям и знакомым в Москве и Петербурге.

Нам, конечно, интересно узнать, кто был адресатом первого письма, что это был за человек, из-за которого сотряслись религиозно-нравственные основы России? Может это, был некий демон-искуситель? Да нет, все было проще простого.

В конце 50-х годов 19 века к родовому поместью В. Д. Улыбышева подъехала простая телега, на которой сидела одноногая, убогая старуха. Перед хозяйкой поместья Варварой Александровной она униженно молила простить ее и просила пристанища. Как оказалось, она была тоже урожденная Улыбышева и являлась родной сестрой хозяина поместья. В замужестве звалась она Пановой Екатериной Дмитриевной.

Это та знаменитая московская экзальтированная барыня, которая в 1829 году написала своему знакомому отставному гусарскому офицеру, письмо, полное страстной тревоги и мятежной тоски. Отставной гусар – П. Я. Чаадаев был знаком с Е. Д. Пановой с 1827 года и не раз бывал в доме молодой и красивой хозяйки, часто и подолгу беседовал с ней на философские и религиозные темы.

В ответ на ее взволнованную, отрывистую записку и было написано «философическое письмо № 1», которое адресат никогда не получил.

Трагическим знаком отмечена ее судьба – раннее сумасшествие, тяжелые физические недуги, удел нищенки и приживалки.

Некоторое время она имела свой угол в усадьбе Улыбышевых. В дневнике А. Д. Улыбышева за 1843 год есть такая запись: «Теперь живет у него (у брата Владимира) с каким-то побродягой старшая сестра моя Катерина Панова, оставившая мужа и совершенно потерянная».

Нужно сказать, что после опубликования злосчастного письма муж Е. Д. Пановой поместил ее в частную психиатрическую больницу В. Ф. Саблера.

Когда, как и где умерла Екатерина Дмитриевна, об этом в семье не сохранилось даже воспоминаний. Для них ведь она была только жалкая калека, полусумасшедшая приживалка, «философка», которая быть может, все еще шамкала беззубым ртом какие-нибудь свободолюбивые слова, когда-то сказанные ей Чаадаевым. И есть что-то жуткое, какая-то злая издевка судьбы в жизни этой недолгой вдохновительницы одного из самых глубоких русских мыслителей… (А. Тыркова).

Но вернемся несколько назад.

Весь период с 1826 по 1831 год Чаадаев пребывает в затворничестве. Меняется резко его внешний облик. Каштановые кудри остались в Европе. Он значительно облысел, заострились черты лица, оно стало похоже на маску, кожа напоминала туго натянутый пергамент, виски

запали, рот съежился. Резко изменился почерк и стал похож на сжатую клинопись. К февралю 1831 года в здоровье Чаадаева наступил перелом.

Брат Михаил пишет тетке из Москвы: «Могу вас уведомить, что брат теперешним состоянием здоровья своего очень доволен в сравнении с прежним… Аппетит у него очень даже мне кажется – слишком хорош, спокойствие духа, кротость – какие в последние три года редко в нем видел. Цвет лица, нахожу, лучше прежнего, хотя все еще очень худ, но с виду кажется совсем стариком, потому, что все волосы на голове вылезли». (И это в 37 лет – В. Г.).

Летом 1831 года Чаадаев, совсем оправившись от болезни, выезжает в свет, становится членом Английского клуба и ежедневно его посещает.

Вот портрет того периода, написанный современниками.

Чаадаев. Высокий. Худой. Стройный. Лицо бритое: сухое, бледное, перегоревшее. Сталь во взоре серо-голубых глаз… Голый гранитный череп… (Ф. Тютчев). Открытый взор и печальная усмешка (А. Герцен).

Бодрость ума и постоянная грусть аристократ во всем. Незаменимый в светских салонах. Изысканные манеры. Чарует женщин, но держит себя в стороне: не имеет «романа» (А. Хомяков).

Его чопорно-изысканное одеяние, резкие сентенции, полные важного значения привычки удивляют завсегдателей Английского клуба.

П. А. Вяземский пишет А. Пушкину: «Чаадаев выезжает (в клуб), мне все кажется, что он немного тронулся. Мы стараемся приголубить его и ухаживаем за ним».

Между тем «философическое письмо № 1» гуляло в списках по двум столицам. Читал его и сам император…, но ничто не всколыхнуло высший свет, и императорские покои Зимнего дворца.

А популярность Чаадаева росла с катастрофической быстротой, и уже брезжил трагический конец, спровоцированный философским мудрствованием. А, между тем, Чаадаев постоянно в свете, в театрах, устраивает у себя приемы, по прежнему с женщинами иронично-холоден. Изучает историю философии по зарубежным источникам.

Вся эта очаровательная суета длилась до той поры, пока редактор журнала «Телескоп» (отправленный в последующем в ссылку) Н. И. Надеждин в № 15 за 1836 не опубликовал, наконец, гулявшее в списках почти 7 лет пресловутое письмо.

Ах, Бог мой, что же здесь началось! Какие страсти, какие волнения, какой праведный гнев – среди столпов дворянства, даже студенты Московского университета требовали у попечителя Московского учебного округа графа С. Т. Строганова выдать им оружие, чтобы встать на защиту поруганной Чаадаевым России. Народ как всегда безмолвствовал, потому что не только не знал французского языка, на котором было написано первое, да и все последующие письма, но и собственной русской грамоте был необучен, а пребывал в смиренной рабской темноте.

Из высказываний современников ясно видно, чем так разгневал Чаадаев «Патриотов», державших своих крестьян в ярме крепостного права.

«Чаадаев излил на свое отечество такую ужасную ненависть, которая могла быть внушена ему только адскими силами (Д. Татищев). Обожаемую мать обругали, ударили по щеке… (Ф. Вигель). «Тут бой рукопашный за свою кровь, за прах отцов за все свое и за всех своих… Это верх безумия… За что сажают в желтый дом» (П. Вяземский). Поэт Н. Языков написал стихи, полные лютой злобы к Чаадаеву:

«Вполне чужда тебе Россия,
твоя родимая страна;
Ее предания святые
Ты ненавидишь все сполна

Ты их отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю пап…
Почтенных предков сын ослушный
Всего чужого гордый раб!
Ты все свое презрел и выдал,
И ты еще не сокрушен…» и т. д.

Конечно, Чаадаев, совершил немыслимый грех, восхваляя католичество, отрицая прошлое и будущее России: «… Исторический опыт для нас не существует, поколения, и века протекли без пользы для нас…Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его, мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих. В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу. И вообще мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений».

Чаадаев проник в ту запретную зону, что оберегалась и оберегается поныне пуще зеницы ока. Он ударил по вере, ударил по православию, по месту России в мировом социуме, и боль от этого удара ощущается почти все последующие 160 лет.

Современный литератор И. Волгин в своих стихах удачно отразил основные «грехи» Чаадаева:

«… Что ждать от сумрачной страны —
Альянса блудного с Востоком —
В тенетах рабской тишины,
Всем небрежении жестоком

Что проку гласно, напролом,
Явив предерзостную вольность
Философическим пером
Зло уязвить благопристойность?

Оставь и Бога не гневи!
У нас не жалуют витийства,
У нас в медлительной крови
Отравный привкус византийства.

Но разве есть еще одна
С такими ж скорбными очами
Россия, горькая страна,
Отчизна веры и печали…?»

Ознакомившись еще раз с письмом, император Николай I наложил такую резолюцию: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной – смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного».

Журнал «Телескоп» был закрыт, редактор отправлен в Сибирскую ссылку, цензор отрешен от должности, а Чаадаев объявлен «сумасшедшим», нуждающимся в медико-полицейском надзоре.

«Прочтя предписание (о своем сумасшествии)», – доносил Бенкендорфу начальник московского корпуса жандармов, «он смутился, чрезвычайно побледнел, слезы брызнули из глаз, и не мог выговорить ни слова. Наконец, собравшись с силами, трепещущим голосом сказал:

«Справедливо, совершенно справедливо!» И тут же назвал свои письма «сумасбродными, скверными».

Верно говорили древние: «*Homo sum humani nihil, a me alienum puto!*» (Я человек, ничто человеческое мне не чуждо).

«Чаадаев сильно потрясен постигшим его наказанием», – сообщал А. И. Тургенев, – «сидит дома, похудел вдруг страшно и какие-то пятна на лице…Боюсь, чтобы он и в самом деле не помешался».

Через год медико-полицейский надзор с Чаадаева был снят.

В старом, обветшалом, продолжавшем спокойно разрушаться флигеле на Старой Басманной в Москве, он устраивал нечто, напоминающее светский салон, где еще целых двадцать лет Петр Яковлевич продолжает философствовать, думать вслух, наполовину оставаясь изысканным денди, а наполовину ставши Обломовым.

Высшая Московская знать считает делом чести посетить «басманного» философа. На прием к нему приезжают министры, губернаторы, профессоры, графы, князья и, конечно, женщины молодые и старые, знатные и дамы полусвета.

Чаадаев очаровывал дам, как и в годы молодые. Он сам о себе говорил, что стал «философом женщин», а его недоброжелатель тот же Н. Языков назвал Чаадаева «плешивым идолом слабых женщин», а известный поэт партизан, герой войны 1812 г. Д. Давыдов вторит Языкову:

«Старых барынь духовник
Маленький аббатик,
Что в гостиных бить привык
В маленький набатик

Все кричат ему привет
С аханьем и писком,
А он важно им ответ:
Dominus Vobiscum![1]*»*

Здесь намек Д. Давыдова на приверженность Чаадаева к католичеству.

На «его понедельники» съезжалась вся Москва. «Он принимал посетителей, сидя на возвышенном месте, под двумя лавровыми деревьями в кадках; справа находился портрет Наполеона, слева – Байрона, а напротив – его собственный, в виде скованного гения». (Ф. Вигель).

Между тем, флигелек разрушался от ветхости, пугая своим косым видом хозяина и его посетителей. За тридцать лет Чаадаев ни разу не был за городом. Почти никуда не выходил и сам писал: «Выхожу только для того, чтобы найти минуту забвения в тупой дремоте Английского клуба».

«Конечно, все сознавал с неумолимой ясностью, как человек в летаргическом сне, когда его хоронят заживо. Судил себя страшным судом: «Я себя разглядел и вижу, что никуда не гожусь…Но неужто и жалости не стою?». (Д. Мережковский).

С середины 40-х годов «басманный философ» не перестает говорить об «общем перемещении вещей и людей, о «блуждающих бегах» непрерывно галопирующего мира к непредсказуемой развязке».

Чаадаев чувствовал мучительную разъединенность с рядом находящимся людьми и с живой жизнью, называя свое существование «холодным», «ледяным».

[1] Господь с вами! (*лат.*)

Петр Яковлевич внешне становится еще более странен. Один из современников пишет о «мраморном лице Петра Яковлевича, на которое не сядет ни мотылек, ни муха, ни комар, не вползет во время сна козявка или червячок», о его маленьком сухом и сжатом рте…»

Во второй половине 40-х годов у Чаадаева вновь наступает душевный кризис. Его письма наполняются многообразными жалобами на «бедное сердце, утомленное пустотой». Часто появляются мысли о самоубийстве. В письме к двоюродной сестре он пишет: «… Я готов ко всем возможным перипетиям, не исключая той, которые древние рассматривали как героическое действие и которую современники считают, не знаю почему, грехом».

Телесное здоровье в конец ухудшается. Припадки, чрезвычайно мнительные беспокойства, слабость, кровотечения сменяются кратковременным улучшением, а затем все начинается сначала.

К 1847 в состоянии Чаадаева наметилось значительное улучшение. Он активно сотрудничает с журналами «Москвитянин», «Московский сборник», и пишет «Апологию сумасшедшего», встречается с молодежью.

В 1855 году Петра Яковлевича вновь настигает кризис. Он составляет завещание, постоянно ведет разговоры о скоропостижной смерти. Д. Н. Свербеев вспоминает слова Чаадаева за 2–3 недели до смерти: «Я чувствую, что скоро умру. Смертью моей я удивляю вас всех. Вы о ней узнаете, когда я уже буду на столе».

Умер П. Я. Чаадаев 14 апреля 1856 г. накануне Светлого Христова Воскресенья.

За 3 дня, т. е. в среду, он стал жаловаться на сильную слабость и отсутствие аппетита. С четверга началось стремительное увядание. Тем не менее, как свидетельствует М. Н. Лонгинов: «…В пятницу (12 апреля – В. Г.) мы обедали…Вдруг появляется согбенный, чуть двигающийся старец, лицо изрыто морщинами, глаза мутны, ввалились и окружены черными кругами, голос чуть слышный, похожий на предсмертное хрипенье. Это был Чаадаев…» По словам М. И. Жихарева: «Одно из самых поразительных явлений этой (Чаадаева – В. Г.) жизни. Со всяким днем ему прибавлялось по десяти лет, а накануне, в день смерти, он, в половину тела согнувшись, был похож на девяностолетнего старца».

Так в возрасте 62 лет погиб один из величайших умов России. Светлой тенью прошел он в самой черной тьме нашей ночи, этот безумный мудрец, этот немой пророк, «бедный рыцарь русской революции» и, умирая, наверное, повторял свою непрестанную молитву:

Adventiat Regnum Tuum.[2]

Так был ли душевно болен Петр Яковлевич Чаадаев?

Думаю, что каждый мало-мальски образованный психиатр скажет: «Да, Чаадаев страдал психическим расстройством». Каков же был характер этого расстройства? Первое впечатление от анализа «Curriculum Vitae» (жизнеописание) Чаадаева – это, то, что он страдал шизофренией.

Блестящий гусарский офицер мчится в вихре нескончаемых светских развлечений. Да вот одна странность – влюбляет в себя дам высшего света, а сам холоден, как ледяная глыба. Так это обстоятельство как раз и характеризует шизоидную личность. Но все меняется в 1820 г. Чаадаев переживает душевный кризис после загадочной отставки, внезапно разрушившей головокружительную карьеру. В течение трех лет нарастают ипохондрические переживания, одолевают «болячки». Куда «исчезли юные забавы»? В 1823 внезапный и странный отъезд за границу, похожий на бегство. В течение трех лет пребывания за границей резко меняется внешний облик-облысение, пергаментная кожа, изменение лицевого черепа, нарастание аутизма. Проявляется интерес к мистико-религиозно-философским течениям.

Но вот с 1831 будто бы кризис миновал. В психической деятельности преобладает активность. Так длится до 1836 г., когда публикуется «философическое письмо № 1» и вновь

[2] Да приидет Царствие твое *(лат.)*.

наступает душевный кризис, еще более усиливаются депрессивно-ипохондрические переживания, он постоянно философствует на непонятные темы, говорит о «ледяном существовании», высказывает суицидальные мысли, идеи особой значимости, переоценки собственной личности. В 1847 вновь перелом к лучшему – активен, занимается литературной и журналистской деятельностью. В 1855 вновь кризис – депрессия, ипохондрия, суицидомания и роковой конец.

Казалось бы диагноз шизо-аффективного психоза несомненен.

Только есть одно большое «но».

Почему все таки смолоду Чаадаев не испытывал сексуального интереса к женщинам, а скорее наоборот? Почему очень быстро за три года так изменился внешне – полысел, кожа лица приобрела пергаментный характер, рот сжался, появились различные «болячки»?

Почему в свои 36 лет он выглядел одно время лет на 20 старше? Почему, наконец, катастрофически старея в течение трех дней, превратившись в глубокого старика, он умер?

Если обратимся к эндокринологии, то там с уверенностью найдем ответ. Да, существует эндокринологическое заболевание – прогерия (в переводе с греческого – преждевременно состарившийся). Это заболевание описано у взрослых в 1904 году Вернером и называется – синдромом Вернера.

Проявляется оно в возрасте 20–30 лет. Кожа лица становится бледной, истонченной, несколько уплотненной на ощупь, резко натянутой. Черты лица заостряются, выявляется т. н. птичий нос, резко выступает подбородок, ротовое отверстие суживается. Снижается сало- и потоотделение. Волосы тонкие, преждевременное облысение и поседение. Гипогонадизм. Трофические нарушения кожи – язвы, гиперкератоз. Ранний атеросклероз: (БМЭ, т.4 с. 143, 1976 г.).

Читатель может удивиться тому, как точно внешний облик Чаадаева и его ранняя смерть соответствуют медицинскому описанию синдрома Вернера.

Нужно полагать, что в основе душевного заболевания П. Я. Чаадаева лежит тяжелая эндокринопатия в виде синдрома Вернера с психопатологической картиной шизо-аффективных состояний.

Но разве для нас это важно? Важно другое, что так талантливо, с трагической грустью отражено в стихах А. Городницкого:

«…Он в сторону смотрит из дальней эпохи туманной,
Объявлен безумцем, лишенный высоких чинов.
Кому он опасен, затворник на Старой Басманной?
Но трудно не думать, почувствовав холод внутри,
О силе сокрытой в таинственном том человеке,
Которого более века боятся цари,
Сначала цари, а позднее вожди и генсеки.
И в тайном архиве, его раскрывая тетрадь,
Вослед за стихами друг другу мы скажем негромко,
Что имя его мы должны написать на обломках,
Но нету обломков и не на чем имя писать».

Литература

1. *Василенко А.* О Чаадаеве // Молодая гвардия. 1993. № 7. С. 195–208.
2. *Волгин И.* Стихи//Москва. 1968. № 1. С. 166.
3. *Городницкий А.* И оживают тихие слова//Дружба народов. 1990. № 1. С.67–68.
4. *Давыдов Д.* Сочинения. М., 1962.

5. *Евграфов К. В.* Лично известен. М., 1988.
6. *Кайдаш С.* Адресат «Философических писем» // Наука и жизнь. 1979. № 7. С. 62–66.
7. *Мандельштам О.* Чаадаев. М., 1987.
8. *Новиков А.* Трижизни Петра Чаадаева//Аврора. 1993. № 6. С. 108–116.
9. *Радзинский Э.* Кровь и призраки русской смуты. На Руси от ума одно горе. М., 2003. С. 257–298.
10. *Стахов Д.* Диагноз императора// Огонек. 1994. № 21–23.
11. *Тарасов Б. Н.* Чаадаев. М., 1990.
12. *Чаадаев П. Я.* Цена веков. М., 1991.
13. *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений. Т. 1, 2. М., 1991.
14. Чаадаев П. Я.: pro et contra. СПб., 1998.
15. *Шкуринов П. С.* П. Я. Чаадаев. Жизнь, деятельность, мировоззрение. М., 1960.

Персоналии

1. *Вигель А. Ф.* – чиновник, вице-директор Департамента иностранных вероисповеданий. Автор клички Чаадаева «плешивый лжепророк».
2. *Вяземский П. А.* – поэт и литературный критик, друг Чаадаева и Пушкина.
3. *Гершензон М. О.* – историк литературы и общественной мысли. Биограф Чаадаева.
4. *Давыдов Д. В.* – поэт, написавший стихотворную карикатуру на Чаадаева.
5. *Жихарев М. П.* – племянник, друг и ученик Чаадаева.
6. *Лонгинов М. Н.* – историк литературы.
7. *Мандельштам О. Э.* – поэт, автор биографического очерка о Чаадаеве.
8. *Мережковский Д. С.* – писатель, автор биографического эссе о Чаадаеве.
9. *Надеждин Н. И.* – редактор журнала «Телескоп».
10. *Саблер В. Ф.* – врач психиатр, владелец частной психиатрической клиники в Москве.
11. *Свербеев Д. Н.* – московский литератор. Знакомство с Чаадаевым продолжалась с 1824 г. до самой смерти.
12. *Строганов С. Г.* – попечитель Московского учебного округа, председатель Московского цензурного комитета.
13. *Татищев Д. П.* – член Государственного совета, камергер.
14. *Тургенев А. И.* – археограф и литератор. Друг Чаадаева до самой смерти.
15. *Тютчев Ф. И.* – поэт и публицист, друг Чаадаева.
16. *Улыбышев А. Д.* – брат Е. Д. Пановой.
17. *Хомяков А. С.* – философ, поэт, идеолог славянофильства, друг Чаадаева.
18. *Языков Н. М.* – поэт, автор недоброжелательных стихов о Чаадаеве.

Глава III
Меланхолия поручика Лермонтова

Он был рожден для мирных вдохновений
Для славы, для надежд; помеж людей
Он не годился – и враждебный гений
Его душе не наложил цепей,
И не слыхал творец его молений
И он погиб во цвете лучших дней;

М. Ю. Лермонтов

С трепетом душевным приступаю я к написанию психопатологического портрета Михаила Юрьевича Лермонтова. Вы спросите почему с трепетом? А потому, что психопатологическая картина нашего великого поэта вырисовывается неприглядно-мрачной. На обывательско-житейском уровне может показаться, что я занимаюсь очернительством памяти Лермонтова. Но в отличие от врачей-интернистов, мы – психиатры работаем с больными, у которых малейшая психическая девиация служит камнем для построения диагноза, для целостной оценки личности, и работаем мы в отличие от них не в белых лайковых перчатках, а голыми руками разгребаем душевные завалы, а чаще всего патологический мусор наших пациентов, и далеко не всегда великая личность предстанет перед нами в приглядном свете.

Так и у Лермонтова. Ведь поэт не был психически болен. Он обладал врожденным патологическим характером, принесшим ему неисчислимые страдания и способствовавшего ранней смерти.

Я сам до самозабвения любил и люблю Лермонтова. Его печально-тоскливая лирика, наполненная отголосками несбывшихся надежд и неразделенной любви, с юношеских лет, со школьной скамьи легла мне на душу. А мои разыскания вызвали еще большее сострадание и еще большую любовь к этому таинственному и до конца не открытому русскому поэту.

В особенности впечатлял нас, учеников старших классов мужской школы, в начале 50-х годов прошлого века, образ Печорина. И неправда, что увлечение «байронизмом», принесенное П. Чаадаевым на русскую землю, было уделом светской молодежи средины 19 века, но и мы, воспитанники сталинской эпохи, не были чужды этакому онегински – печоринскому шику и во взглядах на жизнь и в отношении к прекрасному полу.

На экзамене по русской словесности на аттестат зрелости из трех тем, предложенных для написания сочинения: «Комсомол – нашей доблестной партии сын», «Большевики с в борьбе с кулачеством» по роману М. А. Шолохова «Поднятая целина» и «Трагедия «лишних» людей в царском обществе» – по произведениям А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Грибоедова, И. Тургенева, я выбрал последнюю. Никогда не предполагал, что на склоне лет примусь за написание еще одного сочинения, посвященному Лермонтову, и что фактографический анализ его жизни и творчества откроет передо мной такую мучительную бездну души поэта, что я в растерянности застыну перед ней, и долго буду сомневаться «быть или не быть», писать или не писать?

И все – таки психиатр одолел во мне обывателя.

И я пишу, хотя знаю, что могу подвергнуться уничтожающей критике литературоведов – панегиристов, да и собратья – психиатры тоже пройдутся по мне железным катком, поставив под сомнение диагностический анализ. Но истина, есть истина, какой бы отвратительной она ни была.

И даже самые неприглядные биографические факты из жизни поэта не умалят его и не сведут с пьедестала, построенного на века.

Итак, я приступаю. Господи, спаси и помилуй мя!

Среди многих патологических характеров (истероидов, циклоидов, эпилептоидов, ананкастов и пр. пр.), выделяется замкнуто-углубленный (аутистический) характер или шизоид (М. Е. Бурно).

Наиболее полно и глубоко этот характер под названием шизоидной психопатии был описан Э. Кречмером (1921 г.) и П. Б. Ганнушкиным (1933). Эта группа включает лиц, типологически весьма различных.

Робкие, застенчивые, тонкочувствительные натуры противостоят здесь равнодушным и тупым. Наряду с сухими, мелочными, скупыми, язвительными педантами, угрюмыми чудаками и отрешенными от жизни мечтателями к группе шизоидов относятся личности крутого нрава, суровые, деловые, настойчивые, упорные в достижении высших целей. При всем многообразии личностных особенностей, шизоидов объединяет общая для всех вариантов черта – аутизм.

Лица со сложившейся шизоидной патохарактерологической структурой в большинстве необщительные, погруженные в себя, сдержанные, лишенные синтонности люди. Контакты с окружающими сопряжены для них с чувством неловкости, напряжением. Мир, как бы отделен от них невидимой, но непреодолимой преградой.

Как пишет Э. Кречмер «шизоид не смешивается со средой, «стеклянная преграда» между ним и окружающим всегда сохраняется».

Другой характерной чертой шизоидов является дисгармоничность, парадоксальность их внешнего облика и поведения. Шизоиды – люди крайних чувств и эмоций; они либо восхищаются, либо ненавидят.

Основой шизоидного темперамента по Э. Кречмеру является, так называемая психэстетическая пропорция, сочетание черт чрезмерной чувствительности (гиперестезия) и эмоциональной холодности (анестезия). Выделяют два крайних варианта шизоидной психопатии с широкой шкалой переходных вариантов: сенситивные шизоиды – мимозоподобные, гиперестетичные с преобладанием астенического аффекта; экспансивные шизоиды – холодные личности с преобладанием стенического аффекта. Это решительные, волевые натуры, не склонные к колебаниям, мало считающиеся со взглядами других. Среди них нередки люди со «скверным характером», высокомерные, холодные, крутые, неспособные к сопереживанию, иногда бессердечные и даже жестокие, но в то же время легко уязвимые, с глубоко скрываемой неудовлетворенностью и неуверенностью в себе, капризные и желчные. Весь мир для них неприглядный мрак, глухая ночь. Они склонны к эксплозивным реакциям. При появлении серьезных жизненных затруднений у них нарастает суетливость, раздражительность со вспышками гнева и импульсивными поступками.

«Ранимое колкое самолюбие, переживание своей неполноценности может порождать в замкнуто-углубленном панцирь-защиту в виде стеклянной неприступности, вежливой церемонности, или серой злости, или разнообразных улыбающихся клоунских масок», – так углубленно-образно описывает М. Е. Бурно характер шизоида к которому справедливо относит и М. Ю. Лермонтова. Но это только маленькая цитата.

А вот отрывок подлиннее.

Речь идет о любви, о любви к женщине, что немаловажную роль играет в психопатологическом анализе Лермонтова.

М. Е. Бурно пишет: «Любовь замкнуто-углубленного (шизоида – *В. Г.*) может быть сложно-одухотворенным переживанием аутистически-идеального образа, возлюбленной в душе, который также как бы посылается, имеет Божественный свет в себе. Образ этот соприкасается, то с одной, то с другой реальной женщиной, каким-то созвучием отвечающим этому образу…»

Не это ли мы увидим, позже характеризуя Лермонтова? И самое главное – раздвоенность, амбивалентость, полярность мыслей, поступков.

Д. С. Мережковский писал о Лермонтове: «В человеческом облике не совсем человек; существо иного порядка, иного измерения; точно метеор, заброшенный к нам из каких-то неведомых пространств… Кажется он сам, если не сознавал ясно, то более или менее смутно чувствовал в себе это «не совсем человеческое», чудесное или чудовищное, что надо скрывать от людей, потому, что это люди никогда не прощают. Отсюда – бесконечная замкнутость, отчужденность от людей, то, что кажется» гордыней», «злобою»…

Самое тяжелое «роковое» в судьбе Лермонтова – не окончательное торжество зла над добром, а бесконечное раздвоение, колебание воли, смешение добра и зла, света и тьмы».

Сожительство в Лермонтове бессмертного и смертного человека составляло всю горечь его существования, обусловило весь драматизм, всю привлекательность, глубину и едкость его поэзии. Одаренный двойным зрением, он всегда своеобразно смотрел на вещи. Людской муравейник представлялся ему жалким поприщем напрасных страданий. Он сам писал:

«… Живу без цели, беззаботно
Для счастья глух, для горя нем
И людям руки жму охотно
Хоть презираю их меж тем».

Откуда эти черты характера? Ведь не сформировались же они в зрелом возрасте?; (а до зрелого возраста Лермонтову было ох, как далеко).

По-видимому, корни шизоидной конституции кроются в отягощенной наследственности, раннем детском развитии и воспитании.

Отец поэта – Юрий Петрович, происходивший из древнего шотландского рода, был очень красивым мужчиной, круживший головы женщинам, он славился своим приятным обхождением, «бонвиванством»; с другой стороны был крайне вспыльчив, несдержанность его, доходящая до совершения диких поступков. В ответ на упреки жены (матери поэта) в измене, Юрий Петрович ударил ее кулаком в лицо. Мать поэта – Мария Михайловна происходила из знатного и древнего рода Столыпиных. Она с детства росла нервным, хрупким, впечатлительным ребенком. Постоянно болела. Всю нежность и нерастраченность души своей вкладывала в своего единственного сына – Мишеньку, тоже до чрезвычайности болезненного ребенка. «И любовь и горе выплакала она над его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадив ребенка своего себе на колени, она заигрывалась на фортепиано, а он, прильнув к ней головкой, сидел неподвижно; звуки как бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по личику. Мать передала ему необычайную нервность свою». (П. А. Висковатов). После грубой выходки мужа Мария Михайловна стала часто болеть и, когда Мишеньке исполнилось 2,5 года, умерла от скоротечной чахотки.

Бабушка по матери Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожд. Столыпина) «была женщиной деспотичного, непреклонного характера, привыкшая повелевать; она отличалась замечательной красотой, происходила из старинного дворянского рода и представляла из себя типичную личность помещицы старого закала, любившей при том высказывать всякому в лицо правду, хотя бы самую горькую» (М. Е. Меликов).

Бабушка боготворила своего внука. «Она пережила всех своих, и один Мишель остался ей утешением и подпорою на старость; она жила им одним и для исполнения его прихотей не останавливалась ни перед чем. Не нахвалится, бывало, им, не налюбуется на него», – (Е. А. Сушкова-Хвостова).

Елизавета Алексеевна пережила отца, нескольких братьев, мужа, дочь и внука. По словам П. А. Висковатого она «выплакала свои старые очи», когда Лермонтов был убит. Умерла она 85-летней старухой.

Миша, ребенком унаследовав от матери болезненность и, по-видимому, туберкулезную инфекцию, сам часто хворал. По словам П. А. Висковатова он был весьма худосочен, золотушен. На нем часто показывалась сыпь, мокрые струпья, так, что сорочка прилипала к телу.

Бабушка считала кривизну ног внука, следствием золотухи (туберкулеза, и с позиции современной медицины была права).

В возрасте 8 или 9 лет Лермонтов перенес тяжелую корь. Он целый месяц провел в кровати, метался в бреду (Б. М. Эйхенбаум). В 1825 году бабушка вместе с домашним доктором Анселем Леви везет внука на Кавказские минеральные воды для лечения от «золотухи».

Достаточно подробно о перенесенной болезни Лермонтов словами Саши Арбенина пишет в неоконченной повести «Я хочу рассказать вам…»: «…его спасли от смерти, но тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении: он не мог ходить, не мог поднять ложки. Целые три года оставался он в самом жалком положении; и если бы он не получил от природы железного телосложения, то верно бы отправился на свет». Что касается «трех лет» и «железного телосложения», то это авторская гипербола, т. к. биографы и современники ни про трехлетнюю болезнь, ни про «железное» здоровье нигде не упоминают. Но все в один голос свидетельствуют о кривоногости и чрезвычайной сутулости Лермонтова и в детском и старшем возрасте. В поэме «Мцыри» Лермонтов так описывает малолетнего послушника, вкладывая автобиографические пометы:

«Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор пуглив и дик
И слаб и гибок как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился – даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал,
И тихо гордо умирал».

Не правда ли как созвучны эти строфы действительной болезни Лермонтова?

Но как бы там ни было и «золотуха»-скрофулез (туберкулезное поражение кожи) и тяжелая корь наложили неизгладимый отпечаток на физический облик поэта. В дальнейшем будет подробно дана физическая и физиогномическая характеристика Лермонтова, а пока вернемся к детским годам Мишеля.

Лермонтов получил женское воспитание. После смерти матери он жил в доме бабушки, которая фактически порвала отношения с зятем. Боясь, что отец предъявит права на сына и украдет его, она постоянно прятала внука. Мишель же очень любил отца и после редких посещений его поместья, всегда с неохотой возвращался к любимой бабушке. Рос Лермонтов в окружении бесчисленной женской челяди, среди множества молоденьких кузин и по словам П. А. Висковатова: «окруженный заботами и ласками, мальчик рос баловнем среди женского элемента».

Чтобы как-то внести мужское начало в характер мальчика, бабушка поощряла и потакала увлечению внука военными играми – в саду была устроена игрушечная батарея, дворовые мальчики наряжались в военные мундиры, внук ими командовал наподобие командира «потешного полка». Охота с ружьем, верховая езда на маленькой лошадке с черкесским сед-

лом, сделанным вроде кресла, и гимнастика были также любимыми занятиями Лермонтова (А. Н. Корсаков). «В личных воспоминаниях моих Миша Лермонтов», – пишет М. Е. Меликов – «рисуется не иначе как с нагайкой в руке, властным руководителем наших забав, болезненно самолюбивым, экзальтированным ребенком».

Такая черта характера как доброта, чувствительность, обязательность и услужливость в отношениях с товарищами детства, сочетались в Мишеле со своеволием, упрямством, настойчивостью, которые легко переходили в жестокость. В. С. Соловьев пишет: «…Уже с детства, рядом с самыми симпатичными проявлениями души чувствительной и нежной, обнаруживались в нем резкие черты злобы, прямо демонической». Далее В. С. Соловьев упоминает о страсти Лермонтова к разрушению: «Он срывал лучшие цветы и усыпал ими дорожки, с истинным удовольствием давил несчастную муху, радовался, когда камнем подбивал курицу». И сам Лермонтов описывает эти деяния, вкладывая их в уста любимого им Саши Арбенина в упоминавшемся выше отрывке «Я хочу рассказать вам».».

Лермонтов любил устраивать кулачные бои между деревенскими мальчишками, а победителей, с разбитыми в кровь носами, щедро одаривал сладостями. Или уже юношей в праздничные дни в Тарханах ставил бочку с водкой для мужиков – участников кулачных боев, и, по словам, П. К. Шугаева: «Лермонтову вид драки и крови доставлял удовольствие так, что у Михаила Юрьевича «рубашка тряслась» и он сам бы непрочь был поучаствовать в этой драке, но удерживало его дворянское звание и правила приличий. Победители пили водку, побежденные уходили домой, а Лермонтов всегда при этом от души хохотал».

Так прошли отроческие годы будущего поэта. Уже в возрасте 13–14 лет он стал писать стихи, увлекался лепкой и рисованием. Не любил музыку и математику.

В 1827 году бабушка определила Мишеля в Московский Благородный университетский пансион.

Образование, полученное в Университете, ценилось очень высоко. Студенты гордились своим званием и дорожили своими занятиями, видя общую к себе симпатию и уважение. «Они важно расхаживали по Москве», – вспоминает И. А. Гончаров, – «кокетничая своим званием и малиновыми воротниками». Лермонтов учился прилежно, удостаивался похвал преподавателей. Вместе с тем, он полюбил и светские развлечения. Так он еженедельно посещал балы в Московском благородном собрании. Мишель всегда изысканно одет, постоянно окружен хорошенькими молодыми дамами высшего общества. Товарищей же своих по Университету не замечал и проходил мимо, будто был с ними незнаком. В пансионе товарищи не любили Лермонтова за его постоянное подтрунивание и приставание (Н. М. Сатин, А. М. Миклашевский). В то же время он часто уединялся, садился постоянно на одном месте, отдельно от других в углу аудитории. П. Ф. Вистенгоф вспоминает о Лермонтова: «… имел тяжелый характер, держал себя совершенно отдельно от всех своих товарищей за что, в свою очередь, и ему платили тем же. Его не любили, отдалялись от него и, не имея с ним ничего общего, не обращали на него никакого внимания». Тот же современник описывает Лермонтова так: «Роста он был небольшого, сложен некрасиво, лицом смугл; темные его волосы были приглажены на голове, темнокарие глаза пронзительно впивались в человека. Вся фигура этого студента внушала какое-то безотчетное нерасположение». Другой современник А. З. Зиновьев будто описывает другого человека: «Он прекрасно рисовал, любил фехтование, верховую езду, танцы, и ничего в нем не было неуклюжего: это был коренастый юноша, обещавший сильного и крепкого мужа в зрелых годах».

В Университетские годы у Лермонтова стала отчетливо проявляться еще одна черта – завистливость, основанная на чувстве собственной неполноценности. Вращаясь в светском обществе, он испытывает уязвление своим «низкородным», как он считает, происхождением. С одной стороны обедневший дворянский род шотландцев, потомков рыцаря Лерманта, будто

бы имевшего какое-то отношение к Макбету, с другой стороны старинный, но не столбовой дворянский род Столыпиных.

Прадед Лермонтова Алексей Столыпин был лишь собутыльником знаменитого царедворца Алексея Орлова, разбогатевшего на винных откупах.

Чтобы как-то поднять значимость своего родства Лермонтов подписывает свои письма, особенно женщинам – «Мишель Лерма».

Ненавидя большой свет и изливая в стихах на него черную желчь, поэт все-таки позднее, только за 4 года до смерти добьется признания великосветского общества и будет допущен в аристократические салоны. А пока светская жизнь поставила крест на дальнейшей учебе в Университете, поскольку внимание к университетскому курсу будущего поэта было подорвано постоянными увеселениями. «Мне здесь довольно весело: почти каждый вечер на бале», – пишет он своей тетке М. А. Шан-Гирей в феврале 1831 (1832?) года. Мишеля оставили на второй год на первом курсе, но: «Самолюбие Лермонтова было уязвлено. С негодованием покинул он Московский университет навсегда» (П. Ф. Вистенгоф).

Весной 1832 года, сдав экзамены, Лермонтов, вопреки сетованиям бабушки, поступает в Петербурге в школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров в лейб-гвардии гусарский полк.

В конце 1834 г. проведя в школе «два страшных года» по выражению самого поэта, он был произведен в корнеты и оставлен в том же лейб-гвардии Гусарском полку.

Далее мы остановимся только на узловых моментах биографии поэта, потому, что его характерологические особенности, не претерпели особенных изменений, а трагической чертой пролегли сквозь недолгую жизнь Гения.

Что же это были за «два страшных года»? Биографы нигде не упоминают о том, что в юнкерской школе Лермонтову плохо жилось. Скорее наоборот. Он как всегда развлекался, приставал к товарищам, злословил, легко давал обидные прозвища, в ответ награждался тем же, но ничто его особенно не трогало. В ответ на насмешки и язвительность он только смеялся.

В 1832 г. в манеже школы он получил перелом правой голени – молодая, необъезженная лошадь ударила Лермонтова копытом. Два месяца он пролежал в доме бабушки и вышел оттуда хромым (неправильно сросшийся перелом). Эта хромота стала еще более подчеркивать уродливость его внешнего облика. Вот свидетельство современника Лермонтова, видевшего его всего лишь раз (цит. по Е. Гуслярову): «огромная голова, широкий, но не высокий лоб, выдающиеся скулы, лицо коротенькое, оканчивающееся узким подбородком, угрястое и желтоватое, нос вздернутый, фыркающий ноздрями, реденькие усики и волосы на голове, коротко остриженные. Но зато глаза!… Я таких глаз после никогда не видел. То были скорее длинные щели, а не глаза!… и щели, полные злости и ума». Весь этот достаточно уродливый облик, да еще сутулость и хромота позволили сотоварищам-юнкерам дать Лермонтову прозвище «Маёшка», что в переводе с французского означает «горбун». Казалось бы эта обидная кличка должна была бы уязвить Лермонтова, вызвать в нем чувство еще большей неполноценности. Ведь только в женском обществе, он становился самим собой – чувствительным, легко ранимым. Ничуть не бывало. Мишель будто бы похвалялся этим прозвищем, бравировал им и вывел себя в образе горбуна Вадима в одноименной повести: «… он был горбат и кривоног,…лицо его было длинно, смугло,…широкий лоб его был желт как лоб ученого, мрачен, как облако, покрывающее солнце в день бури. Он был безобразен, отвратителен…в его глазах было столько огня и ума, столько неземного…, на лице его постоянно отражалась насмешка, горькая, бесконечная…» и далее «…этот взор был остановившаяся молния, и человек, подверженный его таинственному влиянию, должен был содрогнуться и не мог отвечать ему тем же, как будто свинцовая печать тяготела на его веках…»

Так вот горбатый, кривоногий, хромой с тяжелым «магнетическим» взглядом, Лермонтов все эти недостатки возвел в ранг достоинства и с упоением, смеясь, сам, называл себя

Маёшкой, и описал в произведении, «Монго», посвященного своему закадычному другу А. А. Столыпину.

П. А. Висковатов дает этимологию этого прозвища. Он считает, что происходит оно из французского *la Mayex* – так звали горбатую девушку в одном из романов Эжена Сю. Эта девушка, несмотря на свое уродство, обладала высокими нравственными качествами, что в ее образе Лермонтов считал очень симпатичными чертами характера, восхищаясь и постоянно упоминая ее в разговорах с юнкерами.

В юнкерской школе, несмотря на дисциплину, царили довольно свободные нравы. Это были не только «шалости», «школярство», несколько напоминавшие современную «дедовщину» непременным участником коих являлся и наш поэт, но кутежи, попойки, посещение «заветных домов» с девушками не очень строгих правил. И вот этот гений, поэзия которого является лучшими мировыми образами тонкой, нежнейшей любовной лирики пишет откровенные порнографические поэмы и стихотворения, до сих пор почитаемые в офицерских кругах.

Поэмы «Гошпиталь», «Петергофский праздник», «Уланша» начинают ходить в списках, т. к. не могли быть напечатаны по цензурным соображениям и создают поэту славу «Нового Баркова».

П. А. Висковатов пишет: «…Когда затем в печати стали появляться его истинно прекрасные произведения, то знавшие Лермонтова по печальной репутации эротического поэта, негодовали, что этот гусарский корнет «смел выходить на свет со своими творениями».

Бывали случаи, что сестрам и женам запрещали говорить о том, что они читали произведения Лермонтова; это считалось компрометирующим. Даже знаменитое стихотворение «Смерть поэта» не могло изгладить сложившейся в обществе репутации и только в последний приезд в Петербург, за несколько месяцев перед смертью, после выхода собрания стихотворений и романа «Герой нашего времени», пробилась его добрая слава».

Служба в Гусарском полку не налагала особенной *тяжести* на плечи молодого корнета. Служба службой, а кутежи, оргии, посещения борделей, карточные игры, другие мужские «забавы» продолжались и это не мешало творчеству. В этот период (1834–1837 гг.) были написаны такие произведения как «Боярин Орша», «Тамбовская казначейша», «Песня про царя Ивана Васильевича», «Бородино» и программное стихотворение, изменившее судьбу Лермонтова, «Смерть поэта» (1837 год). Последовала ссылка на Кавказ, длившаяся до февраля 1838 года. Монаршей милостью Лермонтов возвращается в лейб-гвардии Нижегородский гусарский полк и вскоре производится в поручики. Сбывается заветная мечта поэта – он принят в высшем свете и «идет нарасхват». Самые лучшие произведения написаны им в этот период.

18 февраля 1840 года Лермонтов стреляется на дуэли с сыном французского посланника Эрнестом Барантом. 13 апреля 1840 г. по «высочайшей конфирмации» поэт снова едет в ссылку на Кавказ в Тенгинский пехотный полк и 15 июля 1841 погибает на дуэли от пули своего друга Н. С. Мартынова.

Н. П. Раевский вспоминает, что «все плакали как малые дети», когда Лермонтова не стало. Священник В. Эрастов опровергает это мнение: «Вы думаете, все тогда плакали? Никто не плакал. Все радовались… От насмешек его избавились. Он над каждым смеялся. Приятно, думаете, насмешки его переносить? На всех карикатуры выдумывал. Язвительный был…»

Вообще характер Лермонтова последнего периода его жизни описывается с разных точек зрения, будто речь идет о двух разных людях. Одним он кажется холодным, желчным, раздражительным. Других поражает живость и веселость. Мнение общества – высокомерен, едок, заносчив; мнение товарищей: «Когда бывал задумчив, что случалось нередко, лицо его делалось необыкновенно выразительным, серьезно-грустным; но как только являлся в компании своих гвардейских товарищей, он предавался тому же банальному разгулу, как все другие;

в то же время делался более разговорчив, остер, насмешлив, и часто доставалось от его острот дюжинным его товарищам» (И. Л. Андроников).

Примечательно и другое свидетельство современника Лермонтова, относящееся к преддуэльному периоду. Бабушка поэта была пациенткой известного в то время профессора-терапевта И. Е. Дядьковского. Когда профессор собрался ехать в Пятигорск бабушка передала с ним «гостинцы и письма» для внука. Так профессор и поэт познакомились друг с другом. Случилось это событие за несколько месяцев до роковой дуэли. Вот, что по этому поводу пишет Н. Молчанов В. В. Пасеку 27/VII – 1841 года: «…В этот же вечер мы видели Лермонтова. Он пришел к нам и все просил прощения, что не брит. Человек молодой, бойкий, умом остер. Беседа его с Иустином Евдокимовичем (Дядьковским) зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Беконе. Лермонтов с жадностью расспрашивал о московских знакомых. По уходе его Иустин Евдокимович много раз повторял: «Что за умница» и далее в восторге: «Что за человек!» Экой умница, а стихи – музыка, но тоскующая». Через 6 дней после гибели поэта, Дядьковский умер от передозировки снотворного.

Народная мудрость гласит: «Характер человека – его судьба». Так и характер Лермонтова – язвительно-ядовитый, насмешливый, порою злобно-мстительный свел его в могилу.

В. С. Соловьев пишет: «…Но все, я думаю согласятся, что услаждаться деланием зла есть уже черта нечеловеческая. Это демоническое сладострастие не оставляло Лермонтова до горького конца; ведь и последняя трагедия произошла от того, что удовольствие Лермонтова терзать слабые создания встретило вместо барышни бравого майора Мартынова».

И. Тургенев пророчески прочел на смуглом лице юноши Лермонтова «зловещее и трагическое, сумрачную и недобрую силу, задумчивую подозрительность и страсть». Да и сам Лермонтов перед последней поездкой на Кавказ все время говорил об ожидающей его смерти. Эта мысль упрочилась после предсказания гадалки (нагадавшей и смерть Пушкина), что в Петербург он больше не вернется и что его ожидает отставка «после коей уж ни о чем просить не станешь».

И вообще, столько много рокового и загадочного видится в судьбе Лермонтова, что невольно согласишься с Д. Мережковским об инфернальности происхождения великого и таинственного поэта.

Я уже упоминал о характерной черте Лермонтова – двойственности, амбивалентности. Эта двойственность присутствует во всем: и в отношении к большому свету, к женщинам, к Родине и т. д.

Настойчиво стремясь попасть в великосветское общество, он в то же время ненавидит это общество всей душой, и свет отвечает ему тем же. А как император Николай I и его царедворцы могли относиться к Лермонтову, который в произведении «Смерть поэта» каких только унизительных эпитетов, оскорблений не нанес верховной знати – «надменные потомки», «подлость отцов», «рабская толпа», «палачи», «наперсники разврата» и т. д. Царь настолько ненавидел за это Лермонтова, что четырежды не подписал представление к награждению поручика за храбрость в Кавказской войне.

Конечно, можно отнестись сочувственно к юному поэту, так тяжко до «нервной горячки», перенесшего смерть Пушкина, но можно и царя по человечески понять, когда ему в лицо бросают такие чудовищные оскорбления, за которые должны были последовать более тяжкие последствия. И только заступничество Бенкендорфа и слезы бабушки спасли поэта от каторги. Осип Мандельштам только заикнулся об «усатом горце», как тотчас же сгинул в пересыльных лагерях ГУЛАГА. Но так нас учили в школе – любой царь плох – любой поэт при этом царе хорош. Да и сейчас апологеты и панегиристы Лермонтова говорят о каком-то царском заговоре, и что дуэль – то была проведена не по дуэльному кодексу, а смерть поэта от пули оскорбленного Мартынова была чуть ли не преднамеренным убийством. Оставим это на совести профессионалов-литературоведов.

И через 3 года та же злость и ненависть.

Стихотворение «1 января 1840 г». красноречиво говорит об этом:

«Как часто, пестрою толпою окружен
Когда передо мной как будто бы сквозь сон
При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски…
* * *
…О как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью».

И уже совсем апокалиптические пророчества, от которых стынет кровь и которые, к сожалению, сбылись, воплотившись в «русском бунте бессмысленном и беспощадном»:

«Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь
И пища многих будет смерть и кровь…».

Посмотрите, как раздваивается отношение Лермонтова к Родине с одной стороны патриотические «Два великана», «Новгород», «Бородино», «Родина» наполненные славянофильским пафосом, с другой «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ…».

Ярко выраженная двойственность проявляется у Лермонтова в отношении к женщине и в биографии, и в его произведениях. С одной стороны любовные увлечения, наполнены прозрачным, светлым, чаще неразделенным чувством, с другой стороны ненависть к женщинам, отвергшим его ухаживания и до описания порнографических сцен в юнкерских поэмах.

Комплекс женоненавистничества внушен был Мишелю еще в детстве. Как я уже писал, рос он среди женщин, и характер воспитался женский со слабой волей, склонностью к интриге, неспособный находить самостоятельный выход из сложных житейских обстоятельств.

«Женственность его характера», – пишет Ю. Гусляров, – «замечалась и в том, что в женщине видел он не то, что должен видеть мужчина. Он не признавал за женщиной слабости. Вот и боролся с ними с полной серьезностью, с тем азартом и упорством, с которым может преследовать соперницу только женщина…». С детских лет в половом влечении Мишеньки отсутствовала тайна, где нет тайны, там нет, как говорят сексологи «психической составляющей копулятивного цикла», т. е. любви высшей, не было романтики, не было чарующей влюбленности. Да и зачем это было нужно Мишеньке, когда дом в Тарханах был полон молоденьких и хорошеньких горничных, которых бабушка подбирала специально, чтобы внуку не было скучно.

Позднее В. Г. Белинский, который Лермонтова боготворил и ненавидел одновременно, сказал: (да простят меня читатели за пошлость «неистового Виссариона»): «Мужчин он так же презирает, но любит одних женщин. И в жизни их только и видит…Женщин ругает: одних за то, что дают, других за то, что не дают… Пока для него женщина и давать одно и то же…».

Особой жестокостью отличалось отношение Лермонтова к Екатерине Сушковой. Эта молодая красавица старше Мишеля на 4 года отвергла любовь шестнадцатилетнего «Кривоного мальчика с красными глазами», Лермонтов, влюбленный в нее безумно, написал целый цикл стихов, посвященный Екатерине и названный лермонтоведами «Сушковским циклом».

Нет нужды цитировать эти замечательные, полные любовной тоски стихи. Читатель при желании найдет их. Это «Вблизи тебя до этих пор…», «Благодарю», «Зову надежду сновиденьем», «Нищий», «Стансы» и пр. В 1834 году, т. е. через 4 года Лермонтов и Сушкова встречаются вновь и поэт, полный мщения за неразделенную юношескую любовь, своим байронизмом увлекает Екатерину в любовный омут, но вскоре демонстративно оставляет ее, нанеся непоправимый урон репутации дворянской девушки.

Мало того, засыпает ее, писанными собственноручно, анонимными письмами с порочащими его выдуманными фактами. Делает Лермонтов это так, что письма попадают в руки тетки Екатерины. Все эти неблаговидные поступки, которыми Лермонтов похвалялся перед А. В. Верещагиной и Е. П. Ростопчиной, детально описаны в романе «Княгиня Лиговская», где Екатерина Сушкова выведена под именем Елизаветы Николаевны. Сушкова правда, до конца своих дней так и не узнала автора анонимных писем, но с этой скандальной историей два могущих состояться ее брака распались.

Еще один неблаговидный поступок поэта, будто бы приведший к трагической дуэли, случился в отношении Софьи Мартыновой, родной сестры Николая Мартынова. Между Лермонтовым и Софьей завязался легкий роман, и когда поэт возвращался из отпуска на Кавказ, семья Мартыновых передала для Николая запечатанный пакет, в котором (Лермонтов знал это) Софья вложила свои дневники и письма. В дороге Лермонтову захотелось, видимо, узнать, что о нем думает воздыхательница, и он вскрыл этот пакет. Приехав в Пятигорск, Лермонтов сочинил романтическую историю о «пропаже» пакета и рассказал об этом Мартынову. Но вскоре по Пятигорску поползли вдруг сплетни о Софье Мартыновой, в таких деталях, которые никому не могли быть известны, но которые были изложены в «пропавших» дневниках и письмах. Мартынов потребовал от своего друга объяснений, но Лермонтов чуть не в один присест написал «Тамань», где подробнейшим образом описал эту «романтическую» историю. Мартынов, конечно, не поверил выдумкам друга, и многолетняя дружба прервалась.

Так Мартынов, может быть, защищал честь сестры и свое достоинство, которому ядовитыми эпиграммами и злыми карикатурами Лермонтов постоянно наносил урон?

Любовные увлечения Лермонтова воплощались всегда в поэзии.

Влюбленный в Наталью Иванову (1830–32 гг.) он посвящает ей цикл стихотворений («НФП», «НФ», «И – вой», «Разрыв» и пр.), получивший название «Ивановского цикла». Здесь та же нежность, любовные муки, чистые, светлые, как бы одухотворенные свыше.

Последнее увлечение (1839–40 гг.) Лермонтова – княгиня Мария Щербатова. Ей посвящены стихи «На светские цепи…» и «Молитва». Светская молва приписывала причину дуэли Лермонтова с Барантом ревностью поэта к Марии.

Была еще одна несчастливая любовь, которая может явиться образцом во всеобщей истории любви – любовь к Вареньке Лопухиной – ей посвящены стихи «У ног других не забывал…», «Мы случайно сведены судьбою», «Оставь напрасные заботы», «Она не гордой красотой» и пр. др.

Для Лермонтова Варенька – это образ святой безгрешной Мадонны, отклики этого образа и в поэтических портретах других женщин, которых поэт любил, жаждал встреч, молился на них. И постыдные, роняющие честь дворянскую и офицерскую, поступки в отношении Сушковой и Мартыновой. Что же тогда говорить о Тирзах и Парашах, Уланшах и Ларисах. Вот посмотрите, как рисует женский портрет Лермонтов в поэме «Гошпиталь»:

«Худая мерзостная…
В сыпи, заплатках и чирьях,
Вареного краснее рака,
Как круглый месяц в облаках
Пред ним сияла…»

И годом раньше стихи, посвященные В. Лопухиной:

«Она не гордой красотою
прельщает юношей живых
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
* * *
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней
И сердце любит и страдает
Почти стыдясь любви своей».

А вот образ, несчастной девушки Тани, подвергшейся групповому насилию отделения улан в деревне Ижорке, при переходе из Петербурга в Петергофский лагерь.

Обратите внимание, что никакой жалости к изнасилованной девушке нет, а есть только садистическое сладострастие.

Утром, когда уланы покидали ночлег:

«Идут и видят: из амбара
выходит женщина: бледна
Гадка, скверна, как божья кара
Истощена и ……..
Глаза померкнувшие впали;
В багровых пятнах лик и грудь
Отвисла ж…… страх взглянуть
Ужель Танюша? – Таня, ты ли?»

И годом раньше:

«… О небо, я клянусь, она была
Прекрасна! Я горел, я трепетал
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал.
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и все
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых все блаженство – яд!»

Вот такое совмещение идеала содомского с идеалом Мадонны.

«И будто видится сквозь пелену времени, как отчаянный юнкер в серой шинели, едва проспавшийся после угарной ночи, с душой, мутной от пьяного похмелья, стоит, прижавшись плечом к нежно-воздушной барышне, где-нибудь на Зимней канавке, прислушивается к вечерним выстрелам, – и уже по искаженной душе его, как по небу полуночи пролетает белокрылый ангел» (Б. Садовской).

«Итак, прощай! Впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою
Прощай! Шесть букв приносят столько мук
Уносят все, что я теперь люблю
Я встречу взор ее прекрасных глаз
И может быть… как знать… в последний раз».

И еще одна характерная черта образа Лермонтова – это беспредельная печаль и тоска, идущие из самых потаенных глубин души поэта, этого «ночного светила русской поэзии», так сказал о поэте Д. Мережковский, проведя антитезу между Лермонтовым и Пушкиным, (Пушкин – «дневное светило»).

В. Белинский заметил, что произведения Лермонтова поражают читателя безотрадным безверием в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства…Страшен этот глухой, могильный голос нездешней муки:

«И скушно и грустно – и некому руку пожать
В минуту душевной невзгоды…
Желанья…что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят – все лучшие годы».

или:

«На жизнь надеяться страшась,
Живу как камень меж камней
Излить страдания скупясь».

или:

Прими, прими мой грустный труд
И если можешь, плачь над ним; —
Я много плакал – не придут
Вновь эти слезы…».

или:

«Закат горит огнистой полосою,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может завтра он заблещет надо мною,
Безжизненным холодным мертвецом…».

или:

«Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь
Но что ж? Мне жизнь все как-то коротка».

или:

«Оборвана цепь жизни молодой
Окончен путь, бил час, пора домой
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечного, ни лет…».

или уже совсем жуткое:

«…И я сошел в темницу, длинный гроб
Где гнил мой труп, и там остался я
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело…».

или:

«Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою…

или уже пророческое:

«Я говорил тебе: ни счастия, ни славы
Мне в мире не найти; – настанет час кровавый,
И я паду, и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений.

И запредельная тоска в «Думе»:

«И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом».

Литературоведы подсчитали, что в лирике Лермонтова на 1000 слов текста самыми употребительными являются – слеза – 365 раз, судьба – 278, смерть – 273, умереть – 253, плакать – 215, конец – 175, мука – 155, тоска – 143, в то время как улыбаться – 57, удовольствие – 55, жалеть – 53.

«И чем дальше мы отделяемся от Лермонтова, чем больше проходит перед нами поколений, тем более вырастает в наших глазах скорбная и любящая фигура поэта “взирающая на нас глубокими очами полубога из своей загадочной вечности…”»(С. А. Андреевский).

Этот тяжкий для меня психопатологический очерк о М. Ю. Лермонтова я закончу стихотворением другого поэта В. Брюсова:

Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил.
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски – мятежное любил».

Ты никогда не мог быть безучастным
От гимнов ты к проклятиям спешил

И в жизни верил всем мечтам напрасным
Ответа ждал от женщин и могил

И не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чем томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.

И мы тебя, поэт, не разгадали
Не поняли младенческой печали
В твоих, как будто кованных стихах!

6–7 мая 1900 г.

Feci quod potui – faciant meliora potentes![3]

Литература

1. *Алексеев Д. А.* По следам исторических загадок. М., 2001.
2. *Андронников И. Л.* Избранные произведения. М., 1975. Т. II. С. 222–236.
3. *Андреевский С. А.* Лермонтов: Характеристика. Тула, 2000. С. 339–355.
4. *Беличенко Ю. Н.* Лета Лермонтова. М., 2001.
5. *Бурно М. Е.* Сила слабых. М., 1999. С. 30–39.
6. *Висковатов П. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1989.
7. *Герштейн Э. Г.* Судьба Лермонтова. М., 1964.
8. *Домбровский О. Н.* Доктор Дядьковский и поэт Лермонтов // Клиническая медицина. 1993. Т. 71. № 3. С. 71–73.
9. Литературное наследство. М., 1948. Т. 2.
10. *Ломинадзе СВ.* Тайный холод// М. Ю. Лермонтов – pro et contra. СПб., 2002. С. 742–765.
11. Литературное наследство. М., 1941. Т. 1.
12. Лермонтовская энциклопедия. М., 1999.
13. *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 2000.
14. *Мережковский Д. С.* Лермонтов – поэт сверхчеловечества// Книжное обозрение. 1989. № 40. С. 8–9.
15. *Нахапетов Б. А.* Медики и медицина в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова// Фельдшер и акушерка. 1985. № 10. С. 39–41.
16. Руководство по психиатрии. М., 1983. Т. II. С. 396–399.
17. *Соллогуб В. А.* Повести и рассказы. М., 1988. С. 333–336.
18. *Садовской Б. А.* Трагедия Лермонтова // М. Ю. Лермонтов – pro et contra. СПб., 2002. С. 410–433.
19. Торжественный венок. Слово о поэте. М., 1999.
20. *Щеголев П. Е.* Лермонтов. М., 1999.
21. *Эйхенбаум Б. М.* Мой временник. СПб., 2001.

[3] Я сделал, что мог, пусть сделает лучше, кто может! (лат.)

Персоналия

1. *Барант Эрнест* – сын французского посланника. Соперник Лермонтова. Участник дуэли.

2. *Барков И. С.* – поэт Пушкинской поры, переводчик, знаменит порнографическими стихами.

3. *Брюсов В.* – русский поэт-символист.

4. *Висковатов П. А.* – историк литературы, биограф Лермонтова.

5. *Вистенгоф П. Ф.* – соученик Лермонтова по Московскому университету, литератор.

6. *Верещагина А. В.* – родственница Лермонтова, с 1828 г. – близкий друг.

7. *Дядьковский И. Е.* – профессор, ученик проф. Мудрова, терапевт.

8. *Ганнушкин П. Б.* – профессор-психиатр, главный врач психиатрической Преображенской больницы в г. Москве.

9. *Зиновьев А. З.* – педагог, первый наставник Лермонтова.

10. *Иванова Н. Ф. (Обрескова)* – знакомая Лермонтова, предмет юношеского увлечения.

11. *Корсаков А. Н.* – литератор, военный.

12. *Кречмер Э.* – немецкий психиатр, профессор, автор труда о характерах людей.

13. *Лопухина В. А. (Бахметева)* – Самая глубокая сердечная привязанность Лермонтова.

14. *Мартынов Н. С.* – друг, сослуживец и убийца Лермонтова.

15. *Меликов М. Е.* – художник, портретист Лермонтова.

16. *Мережковский Д. С.* – русский писатель-эмигрант.

17. *Молчанов Н.* Свидетель встреч Лермонтова с И. Е. Дядьковским.

18. *Миклашевский А. М.* – соученик Лермонтова по пансиону и школе юнкеров.

19. *Пасек В. В.* – этнограф, славянофил, друг Герцена.

20. *Ростопчина Е. П.* – графиня, писательница, юное увлечение Лермонтова.

21. *Раевский Н. П.* – знакомый Лермонтова, сослуживец по Кавказской кампании.

22. *Сатин Н. М.* – соученик Лермонтова по пансиону, переводчик, друг Герцена и Огарева, стихотворение «Лермонтову».

23. *Соловьев В. С.* – религиозный философ, поэт.

24. *Столыпин А. А. (Монго)* – двоюродный дядя, друг и сослуживец Лермонтова.

25. *Сушкова-Хвостова Е. А.* – знакомая, юношеское увлечении Лермонтова. Мемуаристка.

26. *Шан-Гирей М. А.* – двоюродная тетка Лермонтова, племянница бабушки Арсеньевой.

27. *Шугаев П. К.* – пензенский помещик, краевед.

28. *Щербатова М. А.* – княгиня, вдова, позднее увлечении Лермонтова (1839–1840 гг.)

29. *Эрастов В. Д.* – протоиерей.

Глава IV
Лестница Иакова или Вознесение Николая Гоголя

«Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! Что они делают со мной! Они льют мне на голову холодную воду!.. За что они мучают меня… я не в силах, я не могу вынести всех мук их, голова горит моя, и все кружится предо мною».
Н. В. Гоголь. «Записки сумасшедшего»

Осенью 1820 года в Нежинскую гимназию высших наук, устроенную на манер Царскосельского лицея, сорочинский помещик Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский привез нечто, завернутое в тридцать три одежки. Когда стали разоблачать этот кокон, то открылся тщедушный, крайне некрасивый и обезображенный золотухой мальчик. Глаза его были обрамлены красным золотушным ободком, щеки и весь нос покрыты красными пятнами, из ушей текло. Это был будущий великий писатель земли русский Николай Гоголь.

Вся учеба в Нежинской гимназии являлась пыткой для подростка Гоголя. Он писал в последующем матери: «Я утерял целые шесть лет даром… Я больше испытал горя и нужд, нежели вы думаете;… но вряд ли кто вынес столько неблагодарностей, несправедливостей, глупых, смешных притязаний, холодного презрения и прочее… Правда, я почитаюсь загадкой для всех, никто не разгадал меня совершенно… В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом – угрюмый, задумчивый, неотесанный и прочее, в третьем – болтлив и докучлив до чрезвычайности, у иных умен, у других глуп».

Вот это чередование масок, которые Гоголь, в зависимости от обстоятельств, надевал на себя, ставило в тупик его одноклассников и знакомых. Потому так разнятся характеристики современников Гоголя.

Учеба в гимназии наложила на характер Гоголя неизгладимый след. И. И. Гарин пишет: «Все делало мальчика предметом насмешек и оскорбительных кличек: хилость, болезненность, некрасивость, замкнутость, тугоумие, неспособность к языкам, гордый норов, рассеянность, упрямство…Он не умел и не желал под кого-то подлаживаться, говорил, что думал, высоко ценил собственное достоинство».

Вот откуда обидные клички: «Таинственный карла», «Пигалица», «Мертвая мысль».

Унижения и издевательства сотоварищей продолжались весь период обучения в гимназии. Это была пытка. Обстановка российской домостроевской «бурсы» породили те черты характера Гоголя, которые называли «странными».

Мы говорим «дедовщина», элегантно называемую нынешними военными «неуставными отношениям», но истоки этого явления уходят далеко корнями в глубь истории.

А между тем Гоголю брезговали подавать руку, брезговали пользоваться библиотечными книгами, до которых дотрагивался будущий писатель, боясь заразиться какой-нибудь «нечистью».

Откуда же было взяться здоровью у «золотушного мальчика», когда мать родила его в возрасте 15 лет 25 марта 1809 года, отец же страдал чахоткою, видимо передав сыну по наследству «золотуху». Новорожденный Николай был слаб и худ, так что родители долго опасались за его жизнь.

До трех лет Гоголь не говорил. Затем развитие вошло в свою колею – читать и писать Гоголь выучился самостоятельно, а в пять лет уже пробовал писать стихи.

Немаловажное значение для анализа истории болезни Гоголя имеют и его генетические корни.

Многие свои странности Гоголь унаследовал от отца человека крайне мнительного, болезненно-раздражительного. В то же время это был бесподобный рассказчик, прирожденный актер, он был не лишен и поэтического дара. Приподнятый, искрящийся смехом, мог впасть в уныние и тоску. Часто и подолгу болел, в особенности последние 4 года перед смертью. Умер от горлового кровотечения в возрасте 47 лет.

Мать Гоголя происходила из знатного дворянского рода Танских, славившегося своими изуверствами над крепостными крестьянами.

Сама Мария Ивановна по свидетельству современников, была женщиной экзальтированной, импульсивной, страстной. В. Набоков характеризует её – «нелепая, истерическая, суеверная, сверхподозрительная».

И эта «дивная красавица» долго сохранившая молодость и свежесть, безгранично и беззаветно любила своего гениального сына и утверждала, что многие изобретения принадлежат Никоше. «Сын не унаследовал от матери ни её любвеобильности, ни её кротости, ни её непосредственного сердечного интереса к жизни, ни её покорности судьбе, ни её непрактичности, ни её душевной простоты и прекрасной наивности» (В. Чиж). Мария Ивановна жила долго и умерла, когда ей было семьдесят семь лет от апоплексического удара.

Вот эта «патологическая нервная организация» вскормленная отцовскими и материнскими генами и послужили созданию того странного внутреннего и внешнего облика, который Гоголь пронес сквозь свою недолгую жизнь.

Странный склад ума проявился у Гоголя уже в его отрочестве: полное равнодушие к знанию при хороших способностях, отсутствии интереса ко всем предметам, при пытливом и деятельном уме. Его живо интересовало только то, что имело непосредственный интерес к его личности.

В юношеском возрасте отношение сотоварищей Гоголя к нему изменилось. Он становится «на равных», увлекается рисованием, литературой. Но особенно его способности проявились в организации гимназического театра. И. П. Золотусский пишет: «В ту весну (1825 г.) гимназия открыла Яновского. На место застенчивого и задумчивого подростка явился пересмешник и комик, острого глаза которого теперь побаивались». П. А. Кулиш вспоминает: «… С этого времени театр сделался страстью Гоголя…». Куда теперь делась застенчивость, нелюдимость? Артистический талант, дремавший в Гоголе, расцвел ярким цветом. Он приводил публику в восторг своим актерским действом.

Театр преобразил Гоголя – это была его стихия, здесь он был свой. Он не только замечательно играл, но и писал собственные пьесы, составлял репертуар, расписывал декорации.

Откуда это все? Куда делся «таинственный карла», «мертвая мысль», угрюмость и нелюдимость? Уехал на вакацию одним, а вернулся в гимназию совершенно другим. Что же произошло? У нас есть собственное объяснение этой трансформации. Оно будет приведено при анализе психопатологии Гоголя.

А пока приведем слова И. Гарина: «Гоголь принадлежал к тому типу гениев, чей талант до поры и времени находился как бы в свертке, скрытой потенции, выливаясь изредка в неожиданных выходках, нередко отрицательного свойства, или в гротескных, эпатирующих формах, художественная фантазия трансформировалась в талант виртуозного передразнивания, артистичность – в шутовство, ум – в иронию».

В нашу задачу не входит жизнеописание Гоголя в его Петербургский период. Особо ничего примечательного, имеющего отношение к нашему повествованию не было. Не случилась служба в департаменте Уделов, не получился из него учитель словесности, не удалась профессорская должность в Петербургском университете, но началась кипучая литературная деятельность, когда самые известные и самые любимые нами произведения вышли из под его пера. Об этом написано так много, что ничего нового добавить уже невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.